

Инна Федералова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Спрайт
твой выбор!!

WANT
A HUG

ВОДА
КРОВЬ
РИТМ

Инна Федералова

Вода. Кровь. Ритм

<https://litres.ru/74373362>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бессмертный объявляет охоту на себя: он устал, ему скучно, хочет красивой смерти. Кто сможет это сделать, получит доступ во врата Золотого источника Нави, чтобы исполнить любое желание.

«На помощь» приходят киборги с глючной прошивкой и некро-репортёрша, пытающаяся заснять все эпичные попытки. В то же время полиция преследует свои цели в жажде узнать технологии будущего.

Их планы рушатся, когда через слои Нави прорываются монстры апокалипсиса — в битвах, где реальность трещит по швам.

Примечания автора:

История - однотомник, как и другая книга цикла. Вайб ужасов и боевиков из 90-х, псевдо-научная фантастика и кибер-нуарный экшн, боевик, трэш, угар, чернушка — всё это здесь, друзья.

Содержание

ЧАСТЬ I. ПО ТУ СТОРОНУ ВОДЫ. ГЛАВА 1:	4
«ВОДА НЕ ПОМНИТ»	
ГЛАВА 2: «ТАНЦУЮЩИЙ С ТЕНЬЮ»	17
ГЛАВА 3: «БРАТЬЯ ПО КРОВИ»	30
ГЛАВА 4: «НАВЬИХ ВОД ПРИЗРАКИ»	48
ГЛАВА 5: «ПАМЯТЬ КРОВИ»	62
ГЛАВА 6: «КИБЕРНЕТИЧЕСКИЙ ДУХ»	82
ГЛАВА 7: «ОТЦЫ И ДЕТИ»	92
ЧА	109
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Инна Федералова

Вода. Кровь. Ритм

ЧАСТЬ I. ПО ТУ СТОРОНУ ВОДЫ. ГЛАВА 1: «ВОДА НЕ ПОМНИТ»

[1.1: псевдо-амфибия]

«Запись № 4321. Страх — моя еда. Но я не голоден. Мне скучно. Сегодня я объявлю охоту на себя. Хочу, чтобы меня убили с фантазией. Или хотя бы забавно. Делаю это красиво. Через все экраны города. Оценка способов: Лазер — 3/10. Утопление — 1/10 (иронично). Гранатомет — 5/10 (шумно, неэстетично)».

Сансет Бич. Солнце уже садится в океан. Воздух густо наполнен запахами: океана, жареного лука и солнцезащитного крема. Люди жуют хот-доги, обливаются мороженым, целуются на скамейках. Скучная попсовая идиллия.

Все экраны города гаснут одновременно: телефоны, билборды, телевизоры в витринах. На секунду воцаряется тишина, слышно только, как чайки орут над океаном. В следующее мгновение экраны загораются одним лицом: синеволосый молодой человек с льдистыми глазами смотрит прямо

в камеру и хищно улыбается. За улыбкой кроется тяжёлый груз вечности.

— Привет, смертные. Зовите меня Сонни. Я бессмертный ундин-упырь и мне, чёрт возьми, наскучила эта бесконечность бытия. Вот, спорим, никогда не угадаете мой возраст, даже не пытайтесь. Ну, ладно, я скажу вам: мне двенадцать тысяч лет. Я пережил все эпохи, все войны, эпидемии. Любовью меня больше не увлечёт ни одна женщина. Друзей нет и предавать некому. Наркотики меня не возьмут. Скука! Но единственное, что меня ещё развлекает — это смерть. Моя не наступает. Поэтому я предлагаю игру. У вас есть неделя. Найдите меня. Убейте. И я открою вам врата в Золотой источник Нави, который исполнит любое желание. Время пошло.

Экран гаснет. Толпа взрывается паникой. Кто-то роняет мороженое, кто-то звонит в полицию, кто-то просто стоит с открытым ртом. Вдалеке воеет сирена.

[1.2: полукиборги близнецы Гасги]

На другом конце города, в номере отеля «Сансет Плаза», этот хаос выглядит иначе: отсюда, с высоты, паника кажется далёкой и почти забавной. Дейв в идеальном костюме и с идеальной осанкой стоит у окна, наблюдая, как по набережной бегут люди. За его спиной Де-Во в тактической разгрузке разминает шею, хрустит костяшками.

— Он не человек, — говорит Дейв, не оборачиваясь. — Аномалия. Наша прошивка рассчитана на людей. Придётся

импровизировать.

Де-Во усмехается.

— Импровизация — это когда я стреляю, а ты молишься.
Погнали.

— Нет. Сначала разведка. Мы не знаем, на что он способен.

— Я знаю. Он — мокрая тряпка, я высушу его.

Дейв вздыхает, берёт со стола пистолет. Другая его рука нащупывает пузырьёк в кармане с мутной жидкостью внутри. Достает и секунду смотрит на него, потом прячет обратно. “Сейчас не время”.

— Ты когда-нибудь думаешь, прежде чем открыть рот?

— Только в спящем режиме. А я не сплю.

Дейв закатывает глаза, подходит к голограмме, тычет пальцем в точку на карте.

— Он здесь. Старый аквапарк. Сканер засёк аномалию воды.

— Наконец-то, — Де-Во берёт гранатомёт, смотрит на оружие, на секунду его взгляд стекленеет: — Новое-старое оружие! Спрайт — твой выбор! — восклицает он.

Дейв замирает.

— Ты серьёзно?

Де-Во трясёт головой, выходит из транса.

— Не я. Прошивка. Она диктует мне рекламу.

— Ты киборг, который видит рекламу в голове.

— Лучше, чем твоё лекарство, оно тебя медленно убива-

ет.

Дейв стискивает зубы: досадно слышать такое от близкого, к тому же брата-близнеца. Берёт излучатель со стола.

— Идём.

[1.3: танцующий коп Хонджун]

Где-то внизу, в закусочной «У Джима», время словно остановилось. Закопчённые стены заведения украшены старыми плакатами с изображениями бургеров и колой. Масляный свет ламп создаёт уютную полутьму, в которой танцуют пылинки. Запах жареного лука и свежей выпечки смешивается с ароматом кофе, но Хонджун погружён в свой мир.

В его наушниках пульсирует бит “Billie Jean” — ритм настроя в данный момент. Он сидит за столиком у окна, жуёт гамбургер, от которого поднимается пар, и двигается в такт мелодии. Его движения едва уловимы: лёгкое покачивание плеча, едва заметный поворот корпуса, словно он ведёт невидимый танец. Старая полицейская куртка потёрта на локтях, кепка задом наперёд, из-под неё выбиваются влажные пряди волос.

Другие посетители невольно обращают на него внимание. Семейная пара за соседним столиком переглядывается, наблюдая за его плавными движениями. Пожилая официантка в углу удивлённо качает головой, но не может оторвать взгляда от его грациозных движений. Молодёжь у стойки перешёптывается, сплетничая на странного посетителя.

Молодая официантка Мэри с татуировками на руках под-

ходит к его столику, улыбаясь. Её фартук украшен пятнами от соуса, а на бейдже написано «Мэри».

— Ты всегда такой расслабленный? — спрашивает она, вытирая стойку влажной тряпкой.

Хонджун вынимает наушник, не переставая жевать. Его движения отточены, каждое имеет свой смысл.

— Я всегда такой. Проблемы приходят сами. Зачем их искать? — отвечает он, и в его голосе слышится лёгкая улыбка.

Мэри наклоняется ближе, её голос становится заговорщическим:

— Ты слышал про того психованного, который взломал все экраны?

Хонджун проглатывает кусок гамбургера, ухмыляется:

— Слышал. Хакер с чувством юмора.

— А если это правда? Если он бессмертный? — Мэри понижает голос до шёпота.

Хонджун жуёт, его глаза блестят. Музыка в наушниках продолжает задавать ритм его движениям — уже едва заметные покачивания, постукивания пальцами по столу.

— Тогда я возьму у него автограф. Попрошу научить меня не стареть. У меня день рождения через неделю, — отвечает он, и его движения становятся чуть более резкими, словно он отбивает новый ритм.

Мэри смеётся, её смех звучит как колокольчик. Хонджун снова вставляет наушник, напевает: «Billie Jean is not my lover...» — и отбивает ритм пальцами по столу, создавая соб-

ственную мелодию, которая сливается с басами из наушников.

В этот момент взрыв сотрясает улицу — глухой, тяжёлый, словно кто-то ударил по земле гигантским молотом. Стекла в закусочной вибрируют, звенят, угрожая рассыпаться. Посуда на стойке дребезжит, но Хонджун остаётся неподвижным. Музыка в его наушниках продолжает играть, задавая свой ритм хаосу.

Его движения становятся механическими, почти роботизированными. Он медленно вынимает наушник, смотрит на гамбургер — осталась половинка. Заворачивает её в салфетку, кладёт в карман куртки. Встаёт, поправляя кепку.

Оглядывается вокруг: посетители в панике выбегают на улицу, кто-то кричит, кто-то плачет. Дым проникает через таки разбившиеся окна, заполняя помещение запахом гари. Но Хонджун остаётся спокойным и выходит на улицу последним.

Мимо него пробегают люди: кто-то с криком, кто-то с ребёнком на руках. Он идёт медленно, его взгляд сканирует местность, отмечая каждую деталь. В воздухе висит пыль, смешанная с дымом, но Хонджун продолжает двигаться в своём ритме, словно танцуя с хаосом.

Его пальцы нащупывают блокнот в кармане..

[1.4: Сонни vs Гасги | первое противостояние, локация — заброшенный аквапарк]

Запах сырости, ржавого металла и застоявшейся воды уда-

ряет в нос ещё на входе. Внутри — заброшенный мир: горки с облупившейся краской, пустые бассейны, бетон, который крошится под ногами, словно истлевшая кость.

На бортике сидит Сонни. Белый костюм безупречен, ноги свешены в воду. Он смотрит на звёзды и напевает древнюю, как камни, мелодию без слов. Шаги близнецов-киборгов он слышит за секунду до того, как они появляются в проёме.

— Вы пришли. Думал, это будет быстрее. Уже заскучал.

— Заткнись, тварь.

Де-Во нажимает спусковой крючок, граната врежется в голову Сонни с тошнотворным хрустом. Взрыв разрывает барабанные перепонки, бетон превращается в смертоносную шрапнель, вода разлетается тысячей острых брызг, оставляя на стенах узоры из крови и осколков.

Тело Сонни исчезает в облаке пыли. Де-Во ухмыляется, опуская гранатомёт:

— А говорили, бессмертный. Одна штука, и нет его.

Дейв смотрит на воду. Его пальцы тянутся к карману с лекарством. Радость брата длится недолго.

Вода в бассейне начинает закипать, создавая вихри пара, которые поднимаются к потолку. Капли на стенах бассейна формируют древние руны, светящиеся призрачным голубым светом. Звук шипения становится громче, переходя в низкий гул, напоминающий погребальный плач.

Дейв чувствует, как его рука непроизвольно тянется к карману с лекарством. Мысли путаются: *«Если я приму его сей-*

час, у меня будет преимущество... Но цена слишком высока. Де-Во прав — оно убивает меня медленно, но верно».

Из центра поднимается струя, похожая на живого змея. Она растёт, пульсирует, склеиваясь с влажным звуком. Появляются глаза — пустые, бездонные. Дейв видит в них свои страхи. Де-Во сжимает гранатомёт до побелевших костяшек.

Сухожилия сплетаются в узор. Кости складываются с чавкающим звуком. Красные мышцы появляются из воды, словно черви из гнилого яблока. Кожа натягивается с звуком рвущейся ткани.

Кровь стекает по лицу Сонни, окрашивая воду в багряный цвет. Капли крови падают в воду, создавая кровавое зеркало. В этот момент Дейв замечает, как на поверхности воды проявляются древние символы, словно написанные кровью. Они пульсируют в такт с сердцебиением Сонни, создавая вокруг него магический круг.

Сонни вытирает лицо рукавом:

— Близко, ребята. Оценка — пять из десяти. За напор — шесть. За фантазию — ноль. Знаете, как приятно собирать себя по кусочкам? Это как пазл, только ты сам не знаешь, куда приклеится левая нога.

Дейв чувствует холод, его руки дрожат, в голове пульсирует мысль о лекарстве.

Де-Во начинает перезаряжать гранатомёт, но Дейв останавливает его. В его глазах понимание: прямое воздействие бесполезно.

Вода закипает сильнее. Сонни отступает, и его сознание погружается в прошлое.

Вместо аквапарка каналы Венеции. 1527 год. Чума. Женщина на берегу:

— Ты не человек. Почему пытаешься спасти меня?

— Я не хочу быть один.

Сонни остаётся один среди мёртвых.

Он возвращается в настоящее. Вода закипает ещё сильнее, Сонни растворяется в бассейне, остаётся только рябь.

— Что это было? — спрашивает Де-Во.

— Это была угроза, — отвечает Дейв. — Он напуган. Мы нашли его слабость.

[1.5: танцующий коп Хонджун]

С крыши соседней закусочной Хонджун видел всё: взрыв, регенерацию, как вода закипала вокруг фигуры в белом. Он стоит, глядя на дым над старым аквапарком, медленно достаёт телефон, набирает номер старого напарника.

— Скажи мне, что это учения.

Голос в трубке усталый.

— Это не учения, Хонджун. У нас тут открылся портал в ад, а у тебя отпуск.

— Значит, отпуск отменяется.

Он кладёт телефон в карман. По асфальту течёт вода из лопнувшей трубы: тонкая струйка, она тянется за ним, как след. Хонджун смотрит на неё секунду, потом отворачивается. Вынимает второй наушник, достаёт блокнот и ручку. Пи-

шет: *«Подозреваемый в белом. Регенерирует из воды. Выглядит так, будто танцует. Но это, наверное, я сам танцевал, пока смотрел. Подозреваю, что у меня профессиональная деформация».*

[1.6: бездомный Боб и бессмертный Сонни]

За отелем, в грязном переулке, где вонь мочи и сырого бетона смешивается с запахом дешёвого табака, время словно останавливается. Сырые стены, покрытые граффити и плесенью, отбрасывают причудливые тени в свете редких фонарей. Из канализационного люка, который испускает пар и зловоние, появляется Сонни.

Он чувствует эту атмосферу — грязь, отчаяние, безысходность, пропитавшие каждый сантиметр переулка. Но его костюм остаётся безупречным, словно сама вода оберегает его от мерзости этого места. Капли дождя на пиджаке испаряются, не оставляя следов.

На влажном асфальте сидит Боб. Он бездомный, чья жизнь — череда дней, пропитанных алкоголем и болью. Его одежда провоняла потом и спиртным, волосы спутаны, лицо скрыто густой бородой. Но в его глазах нечто большее, чем просто отчаяние.

— Ты кто, чувак? — хрипло спрашивает Боб, его голос прокуренный и надломленный.

Сонни оглядывается вокруг, впитывая атмосферу этого места. Он чувствует каждую каплю воды в асфальте, каждый след дождя на стенах.

— Я тот, кто устал от самого себя, — отвечает он, его голос звучит непривычно тихо в этом месте. — А ты?

— Боб, — он делает глоток из бутылки. — Я пью, потому что жизнь — боль.

Сонни смотрит на бутылку, потом на Боба. В его глазах отражается не только неоновый свет города, но и то древнее, неизмеримо старое, что вынужден волочить всю свою вечность.

— Понимаю, — произносит он, и в его голосе слышится искренность. — У тебя есть закурить?

Боб протягивает помятую пачку сигарет. Сонни берёт одну, прикуривает от зажигалки, появившейся словно из ниоткуда. Он затягивается, наблюдая, как дым растворяется среди звёзд.

— Спасибо, Боб, — говорит он. — Ты единственный нормальный человек в этом городе.

В этот момент Боб начинает замечать странности. Вода стекает по ботинкам Сонни, но не оставляет следов. Она словно следует за ним, образуя серебристую дорожку. Боб пытается сфокусировать взгляд, но алкоголь мешает.

— Эй, чувак, — бормочет он, чувствуя, как по спине пробегают холода. — А ты точно человек?

Сонни улыбается, но в его улыбке нет насмешки.

— Иногда я сам задаюсь этим вопросом, Боб.

Он делает последнюю затяжку, бросает окурочок в лужу. Тот не тонет, а начинает кружиться на поверхности воды, слов-

но танцую. Сонни разворачивается и уходит, его шаги почти бесшумны.

Боб остаётся сидеть, чувствуя, как страх и удивление борются в его душе. Вода на асфальте начинает испаряться, словно её никогда и не было. Через минуту от присутствия Сонни остаётся только влажное пятно, которое быстро высыхает.

Боб трясёт головой, делает ещё глоток из бутылки, но алкоголь уже не помогает заглушить то, что он увидел.

— Чёрт возьми, — бормочет он. — Наверное, опять перебрал..

Но в глубине души он знает: это было нечто большее, чем просто галлюцинация от абстинентного синдрома. В этом городе начали происходить странные вещи, и он, Боб, возможно, единственный, кто видел их истинное лицо. Его взгляд следует за исчезающей фигурой и в глазах появляется что-то похожее на надежду.

[1.7: танцующий коп Хонджун и Луна-404 “на проводе”]

В своей квартире-студии Хонджун сидит на полу среди пластинок и старых аудиосистем. Пьёт пиво, смотрит новости. Телевизор говорит:

«Эксперты считают, что это массовая галлюцинация или хакерская атака. Однако очевидцы утверждают, что видели мужчину, который вышел из фонтана и исчез. Полиция не комментирует».

— Исчез, конечно, — вздыхает Хонджун. — Потому что

в этом городе никогда не бывает скучно.

Он допивает пиво, встаёт, подходит к окну, за которым город горит огнями. На крыше соседнего здания стоит фигура в белом, смотрит прямо на его окно. Фигура улыбается, потом исчезает. Хонджун замирает.

— Ну что ж, Сонни. Добро пожаловать в мой отпуск.

Телефон Хонджуна вибрирует. Неизвестный номер. Он берёт трубку.

— Эй, танцующий коп! — голос женский, наглый, бодрый. — Я — Луна-404. Я снимаю этот цирк на камеру. У меня есть видео, как Сонни собирается из капель. Хочешь посмотреть? Встречаемся в морге завтра утром. — Слышно, как она жуёт по ту сторону что-то хрустящее, чипсы или сухарики. — Принеси пиво, только не тёплое. И, кстати, я видела, как ты танцевал на крыше. Прямо перед взрывом. Ты двигался в ритме. Это было забавно. Я такое люблю.

Сброс. Гудки.

Хонджун смотрит на телефон, потом на пустую крышу.

— Начинается.

ГЛАВА 2: «ТАНЦУЮЩИЙ С ТЕНЬЮ»

[2.1: танцующий коп Хонджун и Луна-404]

«Запись № 4322. Тот коп с крыши, он двигается в ритме. Даже когда просто стоит. Я видел, как он напевает, пока жевал свой гамбургер. Это забавно. Я хочу посмотреть, что он сделает дальше. И эта женщина с камерой, она снимает меня. Она не боится. Она хочет снять мою смерть. Смешно. Я никогда не умру. Но я хочу посмотреть, как она будет пытаться. Игра становится интереснее».

В морге пович тяжелый запах формалина и мёртвой плоти. Он въедается в одежду, остаётся на коже, на волосах — такой мерзкий, что потом преследует во сне, и от него не отмоешься.

Хонджун стоит на пороге — высокий, худощавый, в старой полицейской куртке, кепка задом наперёд. Его кожа светлая, с лёгким румянцем, который проявляется в моменты напряжения или смущения. Светлые волосы выбиваются из-под кепки, падают на глаза. Он не брит уже дня три, щетина заметна, что только добавляет серьёзности.

Коп смотрит на стеллажи с телами, на холодный блеск металлических столов. Вчерашний день ещё не отпустил его: взрыв, вода, регенерация. Он пришёл сюда, потому что Луна

сказала «приходи». И потому что у него нет других зацепок.

Он делает шаг внутрь. Второй. Останавливается. Его тело начинает двигаться — едва заметно, почти случайно. Он чувствует ритм воды в трубах за стеной. Вода течёт неравномерно, пульсирует, как живая. Он не понимает, что делает. Просто его тело знает.

На столе сидит Луна. Блондинка с большими серыми глазами и полными губами. Ей тридцать семь, но выглядит на двадцать пять. На ней розовое худи с принтом «Chucky wants a hug», кислотно-зелёные леггинсы и старые кроссовки. Рядом с ней труп — старик с серой, как воск, кожей. Нижняя челюсть отвисла, и Луна лениво поправляет её, не отрываясь от камеры. Из носа трупа течёт прозрачная жидкость — медленно, густо. Она не вытирает, ей всё равно.

— Не обращай внимания, это Геннадий, перехавший в Сансет-Бич на ПМЖ. Мы с ним когда-то ладили. Он умел слушать, — говорит Луна, не выключая камеру.

Хонджун смотрит на застывшую гримасу — улыбка или предсмертная судорога, не разобрать.

— А когда он умер, — говорит Луна — я это засняла. Вышло красиво. Вот, пришла его поведать

— Полиция, — говорит Хонджун. — Вы кто?

— Я некро-репортёр, — отвечает Луна. — А вы кто?

— Я задал вопрос первый.

— А я первый задам тот, на который вы не захотите отвечать. Вы в отпуске, но пришли сюда. Значит, вам тоже инте-

ресно. Значит, мы коллеги.

Хонджун смотрит на неё, она не отводит взгляда, улыбается, как будто знает что-то, чего не знает он. Раздался чавкающий звук под ногой. Он только что наступил на непонятную каплю: кровь, вода или формалин, подошва прилипает к полу, когда он отрывает ногу. Он продолжает танцевать, потому что если остановится, его вырвет. И он знает: рвать здесь нечем, только пустым желудком и запахом.

— Откуда ты знаешь, кто я?

— Кто не знает про шизанутого копа, пародирующего Майкла Джексона? — она смеётся. — Это мой стиль жизни. — Луна смотрит на него, улыбается. — Ты слышишь воду, да?

Хонджун молчит. Он сам не знает, что это было. Луна прыгивает со стола, подходит ближе. Жуёт, не переставая.

— У меня есть видео, — говорит она. — С тобой на крыше и с ним в аквапарке. Я покажу в обмен на доступ к полицейским архивам.

— Зачем тебе это?

— Я снимаю смерть, — пожимает плечами. — Это моя работа.

— Ты снимаешь смерть?

— А ты танцуешь, — она ухмыляется. — Мы квиты.

В этот момент Хонджун чувствует странное родство с Луной. Оба они одержимы своим делом, оба балансируют на грани нормы. Он замечает, как она внимательно наблюдает

за его движениями, как ловит взглядом каждый жест. А сам он не в силах остановить финита ля комедию.

— Почему ты выбрала именно смерть? — спрашивает он, нарушая свои правила.

Луна замирает, впервые показывая уязвимость.

— Потому что она честна, — отвечает тихо. — Смерть не врёт, не притворяется, она просто есть и я хочу понять её.

Хонджун кивает, понимая больше, чем она думает: ведь они стоят в морге, окружённые смертью, но хотя бы ещё живые.

— А почему ты танцуешь? — спрашивает Луна, глядя ему в глаза.

Хонджун медлит, но отвечает:

— Потому что танец — это жизнь. Когда я двигаюсь, я чувствую себя живым.

Они ещё с некоторое время смотрят друг на друга, принимая связующие странности. В глазах Луны мелькает что-то похожее на уважение, а Хонджун вдруг чувствует, что может доверять кому-то настолько же одержимому своим делом, как и он сам.

Они выходят из морга. Солнце уже высоко, город просыпается. Луна снимает всё подряд: прохожих, витрины, лужи. Хонджун идёт рядом, пытается сосредоточиться.

— Ты пытаешься быть копом, — говорит Луна в камеру. — Но ты уволен, ты сейчас никто. Ты просто танцор. Танцуй, и ты узнаешь больше. Твоё тело чувствует ритм, доверься

ему.

— Я не танцор, — отвечает Хонджун. — Я полицейский.

— Ты уволен, — повторяет она. — Ты никто.

Хонджун злится, останавливается, смотрит на неё. Она не отводит взгляда, просто жуётся и снимает.

— Зачем тебе всё это? — спрашивает он. — Съёмки. Смерть. Ты же не из-за денег.

Луна выключает камеру, смотрит на него уже без объектива, но и без улыбки.

— Я снимаю смерть, потому что боюсь её, — говорит она. — Если я вижу её через объектив, она перестаёт быть страшной и становится просто картинкой. Я контролирую её, могу нажать стоп, перемотать. Я могу сделать её красивой.

— И что, получается?

— Нет, — она усмехается. — Но я пытаюсь.

Они продолжают идти. Хонджун пристает к прохожим, начинает искать и опрашивать свидетелей. Старушка с тележкой тормозит его на полуслове:

— Я видела его! Он был весь белый! Как смерть!

Хонджун записывает в блокнот:

«Подозреваемый белый. Альбинос. Или призрак. Или мороженщик. Надо уточнить».

Старушка щурится:

— А у него был рожок?

— Я спрошу, — отвечает Хонджун.

Луна смеётся в камеру.

[2.2: Сонни и буддийский монах]

На окраине города внутри старого буддийского храма, где от благовоний разламывается голова, царит полумрак и тишина. Сонни сидит на циновке. Его синие волосы небрежно уложены, бледная кожа кажется безжизненной, словно он никогда не видел солнца. Он одет в белый льняной костюм, выглядит на тридцать пять лет, в ледяных глазах отражается перегруз от многовекового бытия.

Напротив него сидит монах — сухой старик с глубокими морщинами на лице. Его пальцы медленно перебирают чётки, а глаза спокойны, как у человека, который уже всё видел.

— Ты пахнешь морем и смертью, — произносит монах.
— Зачем ты пришёл?

— Я хочу исповедаться, — отвечает Сонни.

— Я слушаю.

— Я убил больше людей, чем ты видел за свою жизнь, питаюсь их страхом. Я — чудовище, мне это надоело.

Монах молчит, погружаясь в свои мысли. Его пальцы продолжают перебирать чётки, создавая едва слышный шорох.

— Ты хочешь искупления? — наконец спрашивает он.

— Я хочу, чтобы это закончилось. Любой ценой.

В храме становится ещё тише. Слышно, как капает вода из разбитого крана в углу, как шуршат одежды монаха при движении.

— Ты не умрёшь, пока сам этого не захочешь по-настоящему, — говорит монах. — А ты хочешь не смерти. Ты хо-

чешь внимания. Ты ищешь не палача, а зрителя. Того, кто заметит тебя. Того, кто переиграет.

Сонни горько усмехается. Влажный воздух вокруг его пальцев начинает испаряться, пар принимает причудливые узоры.

— Ты прав, — признаёт он. — Я клоун. Но даже клоуну нужен финал.

В этот момент монах встаёт, его движения плавные и уверенные. Он подходит к Сонни, берёт его руку и смотрит в глаза.

— Ты думаешь, что играешь со смертью, но на самом деле она играет с тобой, — говорит он тихо. — Ты боишься одиночества.

Сонни отдёргивает руку, в его глазах вспыхивает ярость.

— Не тебе судить о моём одиночестве! — рычит он.

Монах лишь улыбается.

— Одиночество — это то, что ты носишь в себе, а не то, что вокруг тебя, — отвечает он.

Сонни встаёт, его фигура начинает растворяться в воздухе. Вода на полу храма образует вокруг него водоворот.

— Может быть, — шепчет он. — Но я всё равно найду свой конец.

Он исчезает, оставляя после себя лишь дневник на циновке.

Монах остаётся один в храме, продолжая перебирать чётки. Его губы беззвучно шевелятся, произнося древние мо-

ЛИТВЫ.

[2.3: полукиборги близнецы Гасги]

Час спустя дверь храма открывается. Внутрь входят Дейв и Де-Во. Дейв в чёрном костюме, гладкий, собранный, с загорелой кожей и накачанными плечами. Платиновые волосы уложены стильно, как у кинозвезды. У него прищуренный взгляд, которым он сканирует каждого, кто попадает на глаза. Де-Во идёт следом. Он — точная копия брата, но с той разницей, что его движения спокойнее, а взгляд холоднее, и в нём чувствуется другая порода — индонезийская, мафиозная. При рождении близнецы были разделены. И до того, как братья стали киборгами, Де-Во воспитывался в Сукарно-Хатта, а точнее на одном из островов архипелага Пулау-Серибу.

Они искали Сонни, нашли дневник. Дейв берёт его в руки, листает, читает вслух:

«Лазер — скучно. 3/10. Утопление — иронично. 7/10».

Де-Во смотрит через плечо:

— Он что, ведёт дневник смертей?

— Он питается эмоциями, — говорит Дейв. — Страхом, болью, скукой. Мы должны лишить его эмоций.

Де-Во бормочет, глючит:

— Спрайт — твой выбор! Новый-старый вкус!

Дейв бьёт его по плечу:

— Очнись. Это важно.

— Что? А, да. Лишить эмоций. Убьём всех, кого он знает.

— У него никого нет, — говорит Дейв. — Кроме некро-репортерши. И копа. Они ему интересны.

— Тогда убьём их.

Дейв задумчиво смотрит на дневник.

— Нет. Будем использовать их как приманку.

[2.4: танцующий коп Хонджун и Луна-404]

Хонджун и Луна стоят на крыше отеля. Ветер треплет её волосы и выбивающиеся из-под кепки пряди Хонджуна. Он стоит ссутулившись, привыкая к тому, что мир пытается его придавить. Она напротив — спокойная, дерзкая, с камерой в руке. Внизу раскинулся город, вдалеке виднеется океан.

Луна выключает камеру впервые за день.

— Он играет с нами, хочет, чтобы его нашли, — говорит она.

— Тогда мы сделаем это, — отвечает Хонджун — я задам ему один вопрос.

— Какой?

Хонджун смотрит на горизонт. Внезапно замечает, как влажный воздух вокруг него начинает двигаться в такт дыханию. Он протягивает руку, и туманные испарения словно замирают в воздухе, образуя причудливые завихрения.

— Зачем? — продолжает он, не отрывая взгляда. — Он мог бы просто умереть. Уйти в свою магию. Но он хочет, чтобы его убили красиво. Это не про смерть. Это про что-то другое.

Луна смотрит на него с удивлением, замечая, как воздух

вокруг его руки начинает светиться едва заметным голубоватым сиянием.

— Ты не такой простой, как кажешься.

— Я танцор, — отвечает Хонджун, чувствуя, как его тело начинает двигаться в такт с ритмом города. — Мы всегда сложнее, чем выглядим.

Он закрывает глаза, прислушиваясь к звукам вокруг: как течёт вода в трубах, чувствует пульсацию городских коммуникаций, улавливает ритм движения людей внизу. В этот момент он понимает, что его способности не просто случайность.

— Я.. — Хонджун делает паузу, открывая глаза — чувствую город. Его пульс, его дыхание. Это началось не сейчас.

Он осознаёт, что все его движения, танцы были не просто хобби. Это был его личный способ подключения к городской энергии. А тело как инструмент, позволяющий чувствовать то, что другие не замечают.

— Постой, — он внезапно останавливается, — посмотри.. — делает несколько плавных движений, и туманные испарения на крыше начинают танцевать вместе с ним, образуя в воздухе светящиеся узоры.

Луна замирает, поражённая этим зрелищем.

— Это.. невероятно, — шепчет она.

— Теперь ты понимаешь? — спрашивает Хонджун. — Мой танец — это способ слышать город. Способ чувствовать то, что скрыто.

Луна смотрит на него, по-настоящему понимая, кто он такой.

— Может быть, именно поэтому он выбрал тебя, — говорит она тихо.

Они смотрят друг на друга, молчат.

Хонджун достаёт блокнот, записывает:

«Мои способности — это не случайность. Танец — это не просто движение. Это способ слышать город. Способ чувствовать то, что скрыто. Я не просто коп в отпуске. Я — часть этой игры, и мои правила только начинают писаться».

Хонджун и Луна спускаются с крыши. Внизу их ждёт полицейская машина с включённой мигалкой.

— Хонджун! — кричит коллега. — Начальник требует тебя в участок. Срочно. Говорит, ты вляпался в серьёзное дерьмо.

Хонджун переглядывается с Луной. Она ухмыляется, достаёт телефон и начинает что-то набирать. Экран её телефона внезапно загорается синим светом — то же свечение, которое Хонджун видел на крыше.

— Смотри, — говорит Луна, протягивая ему телефон. — Похоже, твой отпуск официально отменён.

На экране появляется уведомление: «Новое сообщение от неизвестного отправителя». Пока Хонджун пытается разглядеть отправителя, видео начинает воспроизводиться само собой.

Сонни улыбается в камеру своей хищной улыбкой, которая одновременно манит и пугает. Ледяные глаза смотрят с экрана, и даже через запись чувствуется, что он видит Хонджуна насквозь:

«Приветствую, безумный танцор. Я наблюдал за тобой. Ты двигаешься в такт. Даже когда просто стоишь на крыше и жуёшь свой гамбургер. Это забавно. Я хочу посмотреть, как ты танцуешь по-настоящему. Приходи в Нави. Я буду ждать. И, кстати, твой ритм, он мне нравится».

Видео обрывается, но экран телефона продолжает светиться странным голубоватым светом. Луна проводит пальцем по экрану, и появляется новое сообщение: «Передай это своему другу-полицейскому. Пусть знает, что игра только начинается».

— Откуда у тебя это видео?

— Он сам прислал, — отвечает Луна, задумчиво глядя на телефон. — Сначала это было простое уведомление в моём приложении для стримов.

Хонджун внимательно смотрит на экран, где пульсирует сообщение:

— Почему именно тебе?

Луна пожимает плечами:

— Наверное, потому что я единственная, кто документирует его выступления. Он любит внимание, а я даю ему это через объектив.

Она показывает, как сообщение начинает пульсировать в

такт с биением её сердца:

— Он следит за мной через трансляции. Использует мои камеры как свои глаза. А теперь ещё телефон и показатели со смарт-часов. Зачем он следит за моим сердечным ритмом?

Хонджун хмурится, понимая:

— Значит, он знает о нас больше, чем мы думаем.

Луна кивает:

— Мы для него — часть шоу. Я — камера, ты — главный герой. А он — режиссёр, который дёргает за ниточки.

В этот момент телефон нагревается, и Хонджун чувствует, как по экрану пробегает едва заметная рябь воды — след присутствия Сонни.

— Он всегда на шаг впереди, — с безумным восторгом шепчет Луна. — И теперь он хочет, чтобы мы сделали следующий шаг.

ГЛАВА 3: «БРАТЬЯ ПО КРОВИ»

[3.1: полукиборги близнецы Гасги]

Дейв сидит в номере отеля. Перед ним дневник Сонни. Он листает страницы. Читает вслух.

«Тот коп с крыши, он двигается в ритме. Даже когда просто стоит. Я видел, как он напевает, пока жевал свой гамбургер. Это забавно. Я хочу посмотреть, что он сделает дальше. И эта женщина с камерой, она снимает меня. Она не боится. Она хочет снять мою смерть. Смешно. Я никогда не умру. Но я хочу посмотреть, как она будет пытаться. Игра становится интереснее».

Дейв закрывает дневник. Смотрит на брата.

— Вот же ихтиандр недоделанный, чтоб его! Самовлюблённая рыбёшка, блядь, которая еще и оценивает способы собственной смерти. Сегодня он будет умирать у меня медленно. И это будет самая скучная смерть в его дневнике.

Внезапные воспоминания захлёстывают его, унося в день, когда его и близнеца сделали полукиборгами.

Дождь хлещет по лицу, смешиваясь с кровью. Дейв лежит в грязи, чувствуя, как холод проникает под кожу, вгрызается в мышцы. Рядом Де-Во. Он не двигается, глаза закрыты, грудь почти не поднимается.

— Держись, — хрипит Дейв, но голос срывается.

Он пытается подползти к брату, но каждое движение от-

даётся болью в левом боку. Там дыра, воздух свистит, проходя сквозь неё. Пуля или осколок — уже не имело значения.

Дождь смывает кровь, но не останавливает её. Она всё равно вытекает, смешиваясь с грязью. Дейв переворачивается на спину. Смотрит в чёрное небо. Там нет звёзд, только тучи, низкие и тяжёлые, как бетонные плиты.

Чьи-то шаги. Несколько пар. Дейв не может повернуть голову, чтобы увидеть, но слышит, как грязь чавкает под тяжёлыми ботинками.

— Эти двое, — голос спокойный, деловой. — Они ещё дышат.

— Оба?

— Один едва. Второй держится. Ещё пара минут, и можно вынимать.

Дейв закрывает глаза. Ему уже всё равно. Если это конец, пусть будет так. Но рядом Де-Во. Де-Во не должен умереть в грязи, под дождём, в этом чёртовом поле.

— Вы хотите жить?

Дейв открывает глаза. Над ним стоит фигура в чёрном. Лица не видно, только силуэт на фоне туч.

— Да, — говорит Дейв, голос как скрип ржавых петель.

— Тогда вы станете чем-то большим, чем люди.

Вживание

Операционная. Кожа ощущает жгучий холод металла. Свет лампы бьёт прямо в глаза, и Дейв щурится, пытаясь разглядеть, что происходит. Вокруг люди в медицинских

масках, видно только глаза. Они смотрят на него, как на материал для эксперимента.

— Не двигайся, — говорит один. Голос приглушённый. — Это поможет тебе. И твоему брату.

Дейв чувствует, как в его вену входит игла. Холодящая жидкость растекается по телу, принося странное, но неприятное тепло — липкое, чужое: его наполняют тем, чему не место в теле.

— Что вы делаете? — пытается спросить он, язык не слушается, вырывается мычание.

— Тихо, — говорит другой голос. — Скоро всё закончится.

Дейв чувствует боль. Острая, как белый свет от сварки. Она пронизывает позвоночник, разливается по рукам, ногам, сжимает грудь. Он пытается кричать, но воздух не выходит. Только слёзы.

А потом пустота там, где раньше было сердце. Ни тепла, ни холода, ни боли — он больше ничего не чувствовал. Человечность растворилась в этой дряни. Теперь металл в венах, провода в мозгу.

Он смотрит в потолок, слышит звук сверла, входящего в кость. Видит, как его слёзы смешиваются с кровью на лице. Чувствует, как что-то чужое проникает в его нервную систему, перестраивая её, меняя его навсегда.

Рядом Де-Во. Его глаза открыты. Он тоже смотрит в потолок и не чувствует боли, но в его глазах отражается

иное, чего нет у Дейва.

Де-Во пытается закричать, но голос не слышится. Он остаётся лишь в голове, пока тело режут, вставляя нейросети в позвоночник. Он чувствует только пустоту и желание заполнить её. Чем угодно. Любыми эмоциями, любыми ощущениями, даже болью.

Операционная исчезает. Дейв моргает. Вокруг — файлы, оружие, пузырьки с лекарствами. Он смотрит на них секунду, две. Потом засовывает пузырёк в карман.

Дейв понимает: то, что происходит с Де-Во — это не про отсутствие чувств, жажда их вернуть. Сейчас его брат стал зависим от пустоты, от отсутствия боли. Он нашёл в этом свою силу и правду. Дейв же хочет снова чувствовать дождь на лице, тепло человеческой руки, перестать быть машиной для убийства. Он должен вернуть себе человечность. Хотя бы ради памяти о том, кем они были. Ради надежды на то, что они ещё могут стать людьми.

Де-Во лежит на кровати, методично разбирает гранатомёт. Его движения — безупречный автоматизированный механизм: пальцы двигаются сами по себе, словно управляемые невидимым пультом. В его глазах ни тени эмоций.

— Однако эта рыбёха не питается страхом, — говорит Дейв, не отрывая взгляда от дневника. Его руки слегка дрожат от ярости — признак того, что он всё ещё человек.

— Мне плевать, — не поднимая глаз, отвечает ровным, безжизненным голосом Де-Во. — Я хочу разорвать его на

части. Просто дай мне сделать это.

— Ты всегда хочешь кого-то разорвать! — взрывается Дейв. — Думаешь хоть иногда?

Де-Во скалится в усмешке, в ней нет тепла.

— Думать — твоя работа. Моя — убивать. Всегда было так, всегда будет.

Дейв снова достаёт пузырёк, вертит его в пальцах. Внутри мутная жидкость, последняя связь с человечностью.

— Де-Во, — произносит он тихо, почти шёпотом. — Ты помнишь, что мы чувствовали до операции?

Близнец замирает. Его руки, только что двигавшиеся с точностью робота, останавливаются.

— Нет, — отвечает он, и в его голосе звучит сталь. — И не хочу помнить, это была слабость.

— Это была жизнь! — почти кричит Дейв. — Настоящая жизнь, а не эта механическая имитация!

Де-Во поднимается, нависает над братом. В его глазах чистая ненависть к проявлению человеческих черт.

— Ты хочешь стать слабым? — рычит он. — Хочешь снова чувствовать ту боль? От которой мы едва не сдохли?

Дейв смотрит в глаза брата и видит там абсолютную, бездонную пустоту, в которой нет места человечности.

— Я хочу чувствовать что-то! — кричит он. — Хоть что-нибудь! Даже боль!

Де-Во отворачивается. Его глаза стекленеют, лицо превращается в маску.

— «Спрайт — твой выбор! Живи на полную!» — восклицает он механическим голосом.

Дейв вздрагивает от этого отголоска сбоя в механизме, которым стал его брат.

— Ты снова глючишь, — бормочет он.

Де-Во трясёт головой, пытаясь сбросить наваждение:

— Это пройдёт, — говорит он. — Просто дай мне кого-нибудь убить. Это всё, что мне нужно.

Дейв вновь берёт дневник Сонни, бегло перечитывает записи.

— Ты не понимаешь, — говорит он, глядя на брата. — Он не боится смерти. Ему скучно. И мы сделаем его смерть невыносимо скучной. Лишим его всех эмоций, как лишили нас человечности.

[3.2: Сонни vs Гасги | второе противостояние, локация — торговый центр «Сансет Молл» (навья версия)]

Сонни неспешно прогуливался по торговому центру «Сансет Молл», наслаждаясь редкими моментами спокойствия. Он рассматривал витрины бутиков, иногда останавливаясь у фонтанов, чтобы понаблюдать за игрой воды. Никто не обращал на него внимания: он умел сливаться с толпой. Его тонкое чутьё улавливает появление Дейва и Де-Во.

— Думал, что сможешь спрятаться среди толпы? — усмеяется Дейв.

Сонни в деланном удивлении оборачивается. Де-Во кидается в его сторону первым, но резко стопорится: то, что улав-

ливают сенсоры, выходит за грань восприятия.

Посетители «Сансет Молл» один за другим исчезают: теряют цвет, очертания, просто перестают быть. Лампы хаотично мигают с белого на синий, фиолетовый, чёрный. Зеркала в примерочных отражают странные силуэты, которые двигаются, когда на них не смотришь.

Один за другим манекены в витринах медленно поворачивают головы, все смотрят на близнецов. Их пластиковые лица трескаются, из глазниц течёт вода. Мраморные полы покрываются трещинами, из них сочится тёмная, маслянистая жижа. В фонтанах льётся та же.

В воздухе витает запах гнилой воды, палёного пластика и ржавчины, он становится тяжёлым, влажным, оседает на коже липкой плёнкой.

Стеклянные панели атриума покрываются изморозью, температура в торговом центре становится неправильной. Потолки провисают, словно мокрые простыни, с них капает вода. Капли падают на пол и там, куда они попадают, начинают прорастать чёрные плесневые узоры, похожие на вены. Пол под ногами начинает пульсировать, как живой организм.

Стены покрываются чёрной, блестящей плесенью. Она разрастается, поглощает рекламные плакаты. Поверх появляются надписи на языке, который Дейв не знает. Надписи пульсируют в такт единому сердцебиению.

Раздаётся скрежет металлической конструкции, рушится “скелет” здания.

Сонни поднимает левую руку. Из его ладони вырывается мутный поток, собираясь в защитную стену — пульсирующую, дышащую, покрытую венами. Де-Во бросается на неё с гранатомётом, врывается. Стена впускает его, обволакивает и с хлюпающим звуком выплёвывает обратно. Он падает на пол, весь в слизистой субстанции. Из его плеча, в том месте, где кожа разорвалась, идёт дым. Запах палёной изоляции и горячего масла.

Сонни поднимает правую руку. Вода из всех источников «Сансет Молл» стекается к нему бушующим потоком, без остановки заливая нижний ярус, образуя водовороты. Кругом хлещет гнилая тёмная жижа, она собирается в воздухе, формируя водяные вихри: в них кружатся манекены, пластиковые пакеты, рекламные флаеры. Витрины лопаются одна за другой, осколки превращаются в острые шипы, торчащие во все стороны.

Знакомый, уютный, безопасный «Сансет Молл» перестаёт существовать. На его месте теперь нечто, где гравитация работает по настроению бессмертного, величающего себя ундином-упырём.

Дейв смотрит на свои мокрые руки и не помнит, когда успел намочить их. Он активирует на запястье голографический интерфейс: синий экран висит в воздухе, но вода Нави глушит сигнал. Экран искажается, показывает ошибки: *«Неклассифицированный объект. Аномалия. Доступ запрещён. Ошибка 404. Мир не найден».*

Дейв сжимает кулак. Оружие в его руке начинает пере-
страиваться — ствол удлиняется, появляются дополнитель-
ные модули. Он не знает, поможет ли это, но он попробует.

Де-Во поднимается на ноги, его плечо искрит, из раны те-
чёт кровь вперемешку с маслянистой жидкостью, один глаз
дёргается. На зрачке мелькает бинарный код, рекламные сло-
ганы сменяют друг друга, как кадры испорченной плёнки:

— Специальное предложение! Только сегодня скидка
99% на бессмертие! Торопитесь, количество ограничено! —
вырывается из его рта.

Сонни разражается хохотом.

— О, боже, ты как всегда в своём репертуаре! Просто хо-
дячий глюк!

Он делает резкий жест рукой — и вода, сосредоточенная
в воздухе, превращается в острые ледяные лезвия, рассека-
ющие пространство с пронзительным свистом. Одно из них
рассекает бок Дейва. Кровь смешивается с грязной водой на
его костюме. Он чувствует холод, но не боль, которую так
желал ощутить: нервные окончания отключены, только мер-
цающие нервные пути загораются на его коже, как предупре-
ждение. Он видит их и понимает, что его система перегру-
жена.

Де-Во бросается снова. Его движения становятся затормо-
женными, неестественными. Он пытается атаковать, но тело
не слушается. Из его рта вырывается очередной рекламный
слоган:

— Ничто так не сосёт, как Electrolux!

Сонни не может сдерживать смех. Он почти истеричный:

— Это ты про мощное всасывание пылесосов? Ой, не могу, сейчас уссусь! Бро, остановись! Пожалуйста!

В такт его смеху вода вокруг начинает пульсировать, словно живое существо. Она поднимается, обволакивает его, защищает. Сонни поднимает обе руки, собирая гнилую жижу в купол над собой. Та начинает светиться неестественным голубым светом. Символы проявляются на её поверхности — древние, пульсирующие, живые.

— Ты питаешься эмоциями, — рычит Дейв, уклоняясь от очередного шипа, но тот всё равно царапает его, оставляя глубокую борозду на лице. — Мы лишим тебя эмоций, уничтожим всех, кто тебе дорог.

— У меня нет никого, — произносит Сонни, насмешливо глядя на близнецов. — Я один. Всегда был один.

И все же в его глазах мелькает тень. Дейв замечает это, понимает, что Сонни врёт. Или не врёт, но в этом есть что-то.

Гнилая вода вокруг Сонни начинает светиться ярче, торговый центр содрогается, а сам он исчезает в водовороте.

Вода уходит. Медленно, неохотно. Свет возвращается — сначала синий, потом белый. Манекены замирают в исходных позах, их лица снова пластиковые и пустые. Плесень исчезает, трещины на полу затягиваются, как заживающие раны.

«Сансет Молл» как на прокрученной назад плёнке возвращается к своему первоначальному виду. Посетители продолжают свой путь, не замечая ничего необычного.

Только Дейв и Де-Во стоят посреди атриума, покрытые тёмной слизью и кровью, их одежда порвана, на коже светящиеся трещины нервных путей. Из плеча Де-Во всё ещё идёт дым. Дейв смотрит на свою руку — голографический интерфейс погас и он не знает, работает ли он вообще.

— Рыбёха, что, опять сорвалась? — хрипит Де-Во, сплёвывая кровь и остатки тёмной субстанции. Из его рта вырывается последний рекламный слоган: — И не забудьте забрать свой чек на вечные страдания!

— Как и всегда, — отвечает Дейв, глядя на пустеющий атриум. — Аж бесит!

— Неужели его нечем взять?

Дейв смотрит на брата, щурится, потом его осеняет.

— Есть. У него есть та, кто ему небезразлична. Некро-репортёрша с камерой. Луна.

Де-Во хрустит шеей, из неё доносится металлический скрежет.

— Тогда убьём её.

— Нет. Мы будем использовать её как приманку, раз она — его слабость.

— Давай тогда выследим её. И через неё — его.

[3.3: танцующий коп Хонджун и Луна-404]

Луна сидит на полу среди коробок из-под пиццы, пустых

банок энергетиков и спутанных проводов. Её пальцы летают над клавиатурой, монтируя очередное видео. В комнате полумрак, только экран ноутбука отбрасывает голубоватый свет на её лицо.

Внезапный стук в дверь разрывает тишину.

— Открыто! — кричит она, не отрываясь от работы.

Хонджун врывается в комнату. Его лицо бледное, под глазами тёмные круги, куртка распахнута, в дрожащих руках телефон.

— Ты не отвечала на звонки, — его голос срывается. — А я, я такое видел!

Луна резко оборачивается, настороженно смотрит.

— Что случилось? — она поднимается.

Хонджун протягивает телефон, его пальцы трясутся.

— Я был там, в торговом центре. Хотел поговорить с Сонни, но появились эти двое, одинаковых с лица. Я сразу понял, начнётся драка. Спрятался за искусственной пальмой, стал снимать.

Он включает запись. На видео ухмылка бессмертного, матёрые братья Гасги, вспышки света, брызги воды.

— Сначала всё выглядело как обычная перепалка, — шепчет Хонджун. — Но потом, мне показалось, в фонтане рядом со мной вода запульсировала как живая, и обстановка вокруг начала кардинально меняться. Я успел увидеть лишь кусочек другого мира. Та самая Навь это или что. Ощущение было странное, знаешь ли. А потом меня вышвырнуло, будто

кто-то схватил за шкурку и как котёнка вбросил обратно в реальность.

— Это невозможно, Нави не существует и другого мира не бывает. У меня столько впустую плёнки ушло..

Хонджун упрямо поджимает губы, показывает следующий фрагмент:

— Смотри, они исчезают. Все трое. А через пять минут появляются только близнецы. Оба раненые, грязные, они будто из другого измерения вышли.

Луна замирает.

— И это всё?

— Они ушли, а я остался осмотреть место. Собрал улики, сделал снимки.

Хонджун открывает галерею, показывает фотографии, фиксированные часом ранее. На них странные символы на полу и черная слизь.

— А ещё близнецы что-то бормотали о тебе. Я чётко слышал как они произнесли твоё имя.

Дыхание Луны становится прерывистым, она смотрит на копа со страхом.

— Они придут за мной?

Хонджун молчит, в его глазах тревога.

— Возможно. Они явно увидели связь между тобой и Сонни.

Луна сжимает кулаки.

— Я — единственная, кто не боится Сонни. Кто снимает

его смерть. Если они убьют меня, Сонни потеряет смысл игры. И киборги, чёрт бы их побрал, прекрасно это понимают. Вероятно, уже вычислили меня, скоро придут.

Она осекается, в комнате повисает тяжёлое молчание.

— Ты боишься? — тихо спрашивает Хонджун.

Луна усмехается, но её смех звучит неестественно.

— Я? Нет. Я же сумасшедшая. Это мой стиль жизни. — Но её взгляд выдаёт испытываемый ужас. Пауза. — Но, может быть, в этот раз я немного боюсь. — Она смотрит на Хонджуна. В её глазах немая мольба. — Ты ведь не оставишь меня одну?

Хонджун молчит, глядя в сторону.

— Я не могу гарантировать безопасность. Но буду рядом.

В этот момент телефон Луны вибрирует, она хватается его со стола. На экране короткое сообщение от неизвестного отправителя: «Приходи сейчас. Одна. Пирс.»

Луна замирает. Её глаза расширяются.

— Что это? — шепчет Хонджун, заметив её реакцию.

Она не отвечает, её пальцы дрожат, когда она перечитывает сообщение.

— Он знает, — шепчет она. — Это Сонни. Думаю, это он.

Хонджун заглядывает в телефон, читает сообщение.

— Я пойду с тобой.

Луна качает головой.

— Одна. Он сказал — одна. Я должна пойти. Это может быть наш единственный шанс всё выяснить. Потому что мне

интересно, что за пиздец у него в башке творится.

Хонджун остаётся стоять в дверях, глядя ей вслед:

— Будь осторожна.

[3.4: Сонни и Луна-404]

Ночной пирс на пляже Сансет-Бич. Сонни стоит на краю, смотрит на луну, отражающуюся в воде. Его силуэт вырисовывается на фоне тёмного океана. Он один, но ненадолго.

Луна появляется из тени: идёт осторожно, стараясь не шуметь, мокрые от морского бриза волосы прилипают к лицу, она останавливается в нескольких шагах от него.

— Ты пришла, — бросает Сонни, даже не обернувшись.

— Думал, притащишь свою камеру.

— Камера дома, — отвечает Луна. — Этот разговор не для видосов.

Сонни разворачивается, в глазах сталь — но под ней то, что он боится показать.

— И чё? — рычит Сонни, поворачиваясь к Луне. — Припёрлась, чтобы поболтать о чувствах? Я таких разговоров насмотрелся за двенадцать тысяч лет, блевать тянет.

Луна усмехается, в её глазах лишь задорная усмешка.

— А я насмотрелась на твоё шоу с самоубийствами. Скучно, Сонни. Даже для меня, а я ж та ещё извращенка.

Он делает шаг к ней, нависает тенью.

— Не лезь не в своё дело, журналистка. Твои видосики закончатся, когда я сдохну по-настоящему.

— Вот именно! — она почти кричит. — Ты только и де-

лаешь, что ждёшь смерти. А может, пора начать жить?

Сонни замирает, его взгляд опасливо темнеет.

— Жить? — повторяет он с издёвкой. — С чего ты взяла, что я могу?

Луна подходит ближе, почти в упор.

— Потому что я видела. Видела, как ты плачешь, как дрожишь, когда говоришь, знаю о дневнике, где ты ведёшь записи.

Он отступает, но поздно, Луна уже слишком близко и шепчет:

— Ты боишься за меня. Только, с чего бы вдруг?

Сонни молчит, только вода у его ног начинает бурлить, выдавая его эмоции с головой.

— Ты не монстр, — продолжает Луна. — Ты просто боишься быть человеком.

Внезапно он хватается её за горло. Не сильно, но достаточно, чтобы она почувствовала.

— Не смей, — в ярости хрипит он. — Не смей решать за меня, кто я.

Луна продолжает улыбаться, глядя ему в глаза.

— Уже решила. И знаешь что? Мне нравится то, что я вижу.

Его хватка ослабевает. Всего на секунду.

— Сука! — выдыхает Сонни. — Ты всё портишь!

— Может быть, — соглашается Луна. — Но хотя бы пытаюсь. И.. открою тебе секрет, я тоже давно никого к себе

не подпускаю. Я чертовски разочаровалась в людях, все они гнусные лицемеры и подонки. В моей жизни было столько дерьма, что ты вообразить не сможешь. Столько сраного предательства, что у других по сто раз бы сердце разорвало. Но я живу, продолжаю жить и верить в людей. Я хочу дать тебе шанс. У меня давно не было мужчины, тебе я бы позволила себя трахнуть.

Сонни усмехается.

— Ты сумасшедшая.

— И тебе это нравится, — отвечает она с вызовом.

В этот момент оба слышат шум, оборачиваются.

— Твою мать, — рыкает Сонни. — Они уже здесь.

Над городом навис дым и он становился гуще. Где-то вдалеке слышались сирены.

— Бежим, — говорит Луна, но Сонни качает головой.

— Нет. Ты не лезь. Я должен разобраться с этим сам.

— Один? — она усмехается. — Как же ты наивен.

Сонни вдруг искренне улыбается:

— Может и так.

Луна делает шаг к нему, их лица в нескольких сантиметрах друг от друга.

— Мы справимся вместе или сдохнем вместе. Выбирай.

Сонни смотрит в её глаза, видит насквозь:

— Кровожадная сучка, — повторяет он. — Свалилась, блядь, на мою голову.

В этот момент они слышат мощный взрыв.

— Твою мать, — рыкает Сонни. — Они нашли мою квартиру. Рассчитывали застать тебя там.

Луна усмехается:

— Ну что ж, сюрприз для наших друзей. Но сейчас главное действовать.

Вода у пирса начинает бурлить, словно предупреждая о надвигающейся опасности.

— Придётся импровизировать.

— Я люблю импровизацию, — её рука ложится на плечо Сонни. — Показывай, что умеешь.

Вдалеке раздаётся новый грохот, земля под ними дрожит.

ГЛАВА 4: «НАВЬИХ ВОД ПРИЗРАКИ»

— Зря ты камеру не взяла. Она бы тебе понадобилась. Всё, что сейчас начнётся, будет эпично. И жалеть будешь, что не засняла.

Луна смотрит на Сонни с вызовом:

— Тогда в следующий раз бери свой телефон и снимай сам. Сейчас я посмотрю на твою драму вживую.

Сонни хищно ухмыляется: улыбка, от которой у нормальных людей мурашки по коже, но Луна не из нормальных.

Земля под их ногами содрогнулась от новой ударной волны. Сонни мгновенно отреагировал, подхватил Луну и взмыл в воздух, удерживая её на руках. Вода под ними взорвалась, разлетаясь в разные стороны, океан взревел, поднимая волны.

— Что за хрень?! Что они творят на сей раз?! — скорее возбуждённо, чем испуганно закричала Луна, вцепившись в его плечи.

— А вот и веселье.

Мир вокруг них стал меняться, небо над пирсом треснуло как поверхность стекла, пропуская сквозь себя багровые отблески Навьего мира. Звёзды над головой задрожали, не решаясь, быть ли им свидетелями, или исчезнуть. Земля под

ногами завибрировала, пытаясь вырваться из земной коры.

Пирс темнел, его разъедала чёрная плесень. Вода в океане стала густой, маслянистой, переливаясь багровыми и фиолетовыми всполохами. На месте тусклых фонарей зажглись призрачные огни, испускающие едкий, зеленоватый свет.

Луна охнула, переводя взгляд с пирса на бушующий океан:

— Это.. это мир Нави?

— Добро пожаловать в мой дом, — произнёс Сонни, одновременно по его лицу и шее чешуя расплзалась, словно чернила в воде, оставляя за собой мерцающий след всех оттенков морской глубины.

Глаза стали большими и бездонными — два океана, в которых отражались все тайны мира. Пальцы вытянулись в гибкие и острые, с перепонками, делая их хищными и одновременно чуждыми человеку. От тела исходил холод, пробирающий до костей.

— Твою мать, Сонни! — выдохнула Луна, глядя на его трансформацию. Тепло её пальцев оставляло следы на чешуе, словно пыталось вернуть прежнюю человечность Сонни. — Ты сейчас выглядишь как мой бывший после трёхдневного запоя, только красивее и без запаха перегара!

— Я — вода. Я — океан. Я — то, что никогда не умирает, — его голос звучал неестественно глубоко, как грохот прибоя, сотрясающий реальность бушующего мира.

Он поднял свободную руку вверх, и волны вздыбились

ещё выше, подчиняясь его воле.

— Давай, покажи этим ублюдкам, на что ты способен! — крикнула она, заливаясь неврозным смехом.

Чувствуя её поддержку, Сонни в предвкушении оскалился и повернулся к приближающимся близнецам. Океан ревел вокруг него: это была его территория, его битва.

Сонни опустил Луну в груды бетона, где лежали порванные сети и ржавый якорь.

— Сиди здесь и не высовывайся! — рывкнул он, разворачиваясь к океану. — Это не для тебя! — и сделав шаг назад, отвернулся.

Он поднял обе руки: из воды начали появляться щупальца, сотканые из водорослей и пены, тянущиеся к небу. Вдали, в глубине океана, показалась гигантская тень. Волны вздымались до небес, сталкиваясь друг с другом. Воздух наполнился запахом соли и гниющих водорослей. Пирс уже превратился в руины, окутанные густым туманом, мерцающим багровыми всполохами.

Вдали этого потустороннего мира, слышался знакомый голос. Это был Боб. Он сидел на корточках с другой стороны груды бетонных обломков, трясаясь от страха и холода.

— Я ж тебя, блядь, знаю! Ты этот, сижку у меня стрелял! — заорал он, указывая на Сонни.

— А я думал наш бессмертный за ЗОЖ, — оказываясь рядом, прорычал Де-Во, схватил Боба за шкуру и швырнул в сторону, будто тот ничего не весил. — И хорош орать, ты,

червяк!

Не удержав равновесия и чертыхаясь, Боб покатился по мокрому песку.

Де-Во наставил гранатомёт на Сонни, нажал на спусковой крючок. Граната вылетела, взорвавшись у самого пирса, разметав в стороны клочья пены, в воздух поднялся водяной столб. Хриплый смех братьев-киборгов потонул в рёве океана, превращаясь в искажённое эхо.

Но Сонни, обращенный в водяной вихрь, просто исчез из-под удара и уже был в другой стороне, растягивая неподражаемую клыкастую ухмылку, которой выбесил ещё больше.

— Сонни, блядь, ты просто красавчик! — Луна не удержалась от того, чтобы не прокомментировать происходящее.

— Ты не можешь победить меня, бессмертный монстр! — заорал Дейв, пытаясь занять выгодную позицию.

— Он бессмертный, но не монстр, идиот! — крикнула в ответ Луна.

Дейв заметил её. Его взгляд стал опасным, холодным:

— Ты, журналистская сучка. Иди сюда.

— Не подходи к ней! — закричал Сонни. — Луна, беги!

Де-Во оказался ближе, он навалился на неё, прижимая к земле. В этот момент его глаза остекленели и изо рта вырвался новый рекламный слоган:

— Живи на полную! Даже если ты вода, ты заслуживаешь скидку в девяносто девять процентов на вечные страдания! Специальное предложение для ундинов — доставка во-

ды бесплатно! Закажи свой потоп сегодня!

Несмотря на весь апогей момента, Сонни разразился истеричным хохотом.

— Что за хрень?! Скидка на страдания?! Ты серьезно? Дейв, ты слышал своего брата? Он сейчас продаст мой потоп! Это просто пиздец!

Дейв настиг Луну, усмехнулся, резко притянул её к себе, тут же заломил руку за спину и ударил в нос.

— Приди в себя, Де-Во, — озлобленно бросил близнецу. Затем повернулся к Сонни, приставляя пистолет к виску Луны: — Игры кончились, тварь.

Сонни замер. Он не мог атаковать, боясь задеть Луну.

— Пусти, урод! — крикнула та, ударяя Дейва.

Сонни, застывший в водяном вихре, зарычал, и волны вокруг вздыбились, готовые обрушиться на киборга. Его глаза пылали холодным пламенем.

— Давай, Сонни, покажи мне, что ты можешь! — крикнул Дейв, прижимая Луну к себе как щит.

— Он не посмеет, — сказала Луна, тяжело дыша. — Он не такой.

Дейв рассмеялся и выстрелил в воздух. Глаза Де-Во снова стекленеют, из его рта вырывается очередной слоган:

— Только для вас! Эксклюзивное предложение! Подписка на вечную жизнь с доставкой воды на дом! Первый месяц бесплатно!

Луна разразилась безумным хохотом:

— Боже, он сейчас предложит мне доставку воды! Сонни, он реально продаёт тебя как подписку!

Дейв ударил Луну с локтя в нос, скинул обмякшее тело на песок.

— Заткни её уже, Де-Во, — прикрикнул он на брата.

Сонни, застывший в водяном вихре, зарычал. Он видел как из носа Луны потекла кровь, и в его голове что-то щёлкнуло. Лицо исказилось, чешуя вспыхнула багровым светом, а глаза превратились в две бездонные чёрные дыры. Вода вокруг его тела закипала, превращаясь в пар, окутывающий фигуру.

— Ты заплатишь за это, — прошипел Сонни, злобно сверкая глазами, его голос звучал эхом глубины океана. Огромные водяные щупальца опасливо метнулись к Дейву.

Ухмыляясь, Дейв поднял руку, на его запястье активировалось устройство — браслет с голографическим экраном, который мерцал тревожным синим светом. По поверхности пробежали строки кода.

— Ты думаешь, я боюсь твоих уродливых щупалец? Это ЭМИ-ловушка. Создает электромагнитное поле, которое вытягивает влагу из воздуха. Из земли. Из тебя. Ты просто сохнешь, ундин.

Сонни замер, чувствуя, как его связь с водой ослабевает, тело перестало трансформироваться.

На фоне бушующего океана, погружённого в багровый Навий туман, появившийся Хонджун заметил своего без-

домного Боба. Его крики о помощи тонули в рёве океана, превращаясь в жалобный вой. Тот пытался укрыться за грудой бетонных обломков, ползал на мокром песке, дрожа от страха, пытаясь спрятаться от стихии и взрывов.

— Эй, ты! Танцующий коп! Спаси меня, я богатый! Не дай этим сукам меня прикончить! — закричал Боб, размахивая руками.

Хонджун, не раздумывая, бросился к нему, уворачиваясь от летящих водяных осколков:

— Заткнись и ползи за мной!

Он подхватил Боба под руку и перетащил за бетонную стену, где ни волны, ни киборги не достали бы его.

— Спасибо, мужик! Ты единственный нормальный в этом цирке! — крикнул Боб, когда они оказались в укрытии.

Хонджун, убедившись, что Боб в безопасности, вернулся на чужое поле боя. Он надел наушники и нажал на телефоне «Scream». Аккорды дуэта Джексонов, Джанет и Майкла, заполнили его сознание, но в следующий момент функционал плеера сбилсся. Музыка вырвалась из наушников, разлилась за горизонт, став доступной слуху всем. Это был фокус Нави, принявшей вызов нового действующего лица, усилила звуковой масштаб.

Ноги Хонджуна начали двигаться в такт, когда он подошёл к краю бушующего океана:

— Вода, давай устроим шоу.

Ставший многомерным, ритм продолжал усиливаться и

пульсировать в волны на обломках пирса. В одной стороне океана поднимались водяные фигуры, повторяющие движения копа, в другой — закрутился гигантский водяной смерч. Хаос океана превратился в абсурдный танец.

— Какого хера ты танцуешь с водой?! — заорал Боб, сидя в укрытии.

— Он, блядь, танцует с водой! — повторила Луна, которая очнулась от тяжёлого удара в нос и теперь смотрела на это зрелище с блеском в глазах. — Блядь, как же это эпично!

Прозрачные фигуры двигались в такт, подчиняясь каждому движению танцора, рядом с ним вода местами закручивалась в водовороты, или же взлетала струями, зрелищно и с эффектом рассыпаясь в воздухе.

Сонни, увидев это, заорал сквозь грохот волн:

— Ты что, блядь, творишь в такой момент?!

Но в его голосе слышалось восхищение и уважение, которое он старался скрыть за грубостью.

Продолжая двигаться в ритме, Хонджун воздвиг водяной купол — пульсирующий, покрытый искрящимися молниями, окутавший его. Купол помог заблокировать очередной выстрел Дейва.

Теперь коп мог защищать Луну от близнецов, танцуя с водой, как будто это была его стихия.

— Держи их, танцор! — закричал Сонни.

Хонджун почувствовал, как его тело наполняется чужой силой. Океан ревел, волны вздымались ещё выше, и он, по-

винуясь воле бессмертного, разгонял их в разные стороны, не давая стихии снести берег.

— Ты думаешь, это шоу может остановить меня? — зарычал Дейв, пытаясь поймать в прицел безумного копа.

Хонджун уклонялся с нечеловеческой грацией, используя водяные потоки как щиты.

— Это не шоу, мудака! Это искусство! — крикнул он, делая лунную походку и уклоняясь от очередного выстрела.

Сонни воспользовался хаосом, который создал Хонджун. Он рванул вперёд, превратившись в водяной вихрь, и вырвал Луну из рук Де-Во.

— А ну, не трогай её! — закричал Сонни, прижимая Луну к себе.

Она слабо улыбнулась, всё ещё находясь на грани обморока.

— Даже не думай, монстр. В этот раз не сбежишь, — зарычал Дейв, пытаясь перехватить инициативу.

Хонджун, продолжая танцевать, отвлёк внимание братьев. Его ритмичные движения и водяные фигуры создавали непроницаемый заслон, не давая близнецам приблизиться к Сонни и Луне.

Боб, прятаясь за камнями, смотрел на всё это с открытым ртом:

— Я.. я в ахуе. Это просто пиздец. Я такое только в кино видел. Как же это всё круто... — бормотал он, пытаясь осознать происходящее.

Решив, что безопасность переоценена, Боб выскочил из укрытия, чтобы «увидеть и умереть». В тот же миг огромная волна накрыла его с головой. Когда он вынырнул, его одежды не было, вода смыла её в океан. Он стоял на мокром песке абсолютно голый, трясаясь от холода.

— Ах ты, блядь, ебаная вода! — заорал он, размахивая руками. — Я теперь голый! На всём пляже! Это кошмар! Ты понимаешь, Сонни?! Я не собирался умирать голым! Я планировал в шляпе!

Сонни, заметив это, расхохотался и одним движением руки подхватил голого Боба водяным потоком:

— Ты вообще не планировал, Боб. Ты просто оказался здесь, — ответил Сонни, не оборачиваясь.

— Твою мать, Сонни! Ты бы знал как холодно! И вода твоя воняет!

Хонджун, увидев это, не удержался от смеха, и волны, потеряв “управление” над волнами, начали затихать, а океан успокаиваться. Багровый туман рассеялся, открывая звёздное небо.

Дейв и Де-Во стояли на обломках пирса, тяжело дыша, но они не собирались сдаваться. Дейв активировал на запястье устройство. Браслет загудел, и вокруг Сонни в воздухе стала формироваться почти невидимая сеть из голубоватых искр. Она сжималась, впитывая влагу. Вода вокруг ундина превращалась в пар и уходила вверх, обнажая его чудовищную изнанку, чешуя потускнела, перепонки между пальцев начали

съёживаться.

— Берегись! — закричал Боб.

Сонни чувствовал, как его сила уходит, будто её выкачивают.

Луна смотрела на него и шептала:

— Они, что, высасывают из тебя воду?

Де-Во скалился, глядя на то, как устройство Дейва продолжает работать:

— Видишь, ундин? ЭМИ-ловушка питается от моей прошивки. Я — её батарея. Мы выключаем кран! Больше никакой воды!

Сеть, возникшая из голубоватых искр, сжалась ещё сильнее. Сонни чувствовал, как влага уходит из его тела, его чешуя уже трескалась, перепонки между пальцами исчезли, кожа стала почти прозрачной.

Крепче обхватив Луну, Сонни закричал Хонджуну:

— Мы уходим! Иначе они высушат меня! И ты тоже уходи!

Хонджун, услышав его, продолжил танцевать. Он пытался удержать волны под контролем, пока Сонни уводил Луну и Боба в безопасное место.

Но близнецы, словно одержимые, начали двигаться вперёд. Их глаза горели холодным огнём. Они не остановятся, пока не уничтожат всё, что связано с ундином.

Хонджун, чувствуя, как его тело наливается силой, понял, что танец продолжается. Вода вокруг него начала пульсиро-

вать в такт сердцебиению. Он должен защитить их, даже если для этого нужно будет пожертвовать собой.

— Сонни, я с тобой! — крикнул он, продолжая танцевать.

Сонни, сжимая в руках Луну и удерживая голого Боба рядом, закричал в ответ:

— Держись, танцор! Ещё не конец!

Сонни шагнул назад, к краю пирса. Его тело стало прозрачным, текучим, вода стекала с него. Он посмотрел на Луну:

— Я вернусь, — сказал он. — Жди.

Расцепив руки и оставив холодный след в её пальцах, сделал шаг назад: упал, раскинув руки и растворился в воде, словно шипящая в кипятке соль.

Океан вскинулся стеной воды и рухнул обратно, но вместе с ним схлынул и багровый туман Нави. Прежний реальный мир вернулся: небо стало нормальным, звёзды засветили ярче, а пирс — теперь просто пирс — целёхонький.

Луна продолжала стоять. Рядом Боб — голый, дрожащий от холода. Чуть поодаль Хонджун — всё ещё в танцевальной позе, с растерянным лицом.

Де-Во схватил Хонджуна, заломил руки за спину:

— Ты, танцор херов, — прорычал он. — Ещё раз увижу тебя рядом с водой, убью.

Дейв схватил Боба за волосы, заставил подняться, второй рукой направил пистолет к виску Луны. Боб взвизгнул, попытался прикрыться ладонями, но это выглядело жалко и

смешно одновременно.

— Отпусти, я не в теме! Я случайно! — заорал Боб. — Эй, а у тебя часы красивые! А подскажешь, где купил?

Дейв произнёс, но не ему, Луне:

— Ну что, ундин свалил? Как вода сквозь пальцы, — рассмеявшись собственной шутке, он грубо ухватил её за руку, дёрнул. Она не сопротивлялась. Только смотрела на пустой океан, где исчез Сонни. — Ну, теперь наша очередь с тобой развлекаться, — вторил Де-Во, обрадованный хоть каким-то уловом.

Луна перевела взгляд на него, потом на его брата. Улыбнулась — той опасной улыбкой, которая свела с ума даже бессмертного.

— Сорян, ребят, — сказала она. — У меня итак травма на озабоченных мудаков. Так что развлекайтесь без меня. Я пас.

Дейв присвистнул, беззлобно подмечая:

— Ты смешная. Это тебя и спасёт. Пока..

Де-Во уже тащил Хонджуна в сторону, где маячил силуэт их машины. Дейв дёрнул Луну за руку, заставляя передвигать ноги. Боб, голый и дрожащий, ковылял следом, пытаясь прикрыться руками и одновременно разглядывая часы Дейва.

— Я серьёзно! Где купил? Очень стильно! — не унимался он.

— Заткнись, — бросил тот.

Луна шла между ними, сжав кулаки. Она больше не обращивалась на океан, лишь лелеяла надежду, что Сонни вернётся. Он обещал.

ГЛАВА 5: «ПАМЯТЬ КРОВИ»

[5.1: бессмертный Сонни]

Вода приняла его как мать, как своё. Как часть, которая наконец вернулась туда, где ей место. Сонни падал сквозь толщи, и с каждым метром он чувствовал, как пальцы таяли, становясь струями, кости расходились, превращаясь в текущую взвесь, лёгкие наполнялись тяжестью.

Сонни возвращался в то, чем всегда был.

Боль ушла. Та, что жгла кожу, сжимала грудь, когда ЭМИ-ловушка высасывала влагу. Она исчезла, как исчезает крик в воде. На её месте осталась только пустота. И что-то древнее, что помнило его раньше, чем он сам себя помнил.

Чешуя вернулась: она врастала, вытесняя собой мёртвое, заменяя его живым, переливающимся. Сначала на груди и лице, потом на руках, спине. Ноги превратились в русалочий хвост. Каждая чешуйка впитывала холод, насыщалась им, становилась плотнее. Перепонки между пальцев натягивались, прорастали, соединяли его пальцы в единое целое. Глаза — те, что были уже чёрными безднами на пирсе — раскрылись шире. Они впитывали тьму, которая не кончалась. Она входила в него, и он не сопротивлялся.

Вокруг была Навь.

Пространство, где нет верха и низа, где вода — другая. Каждый слой пульсирует, как сердце спящего бога, который

и есть этот мир. Гул поднимается из самого ядра, проникает в тело, разливается по жилам, заставляет сердце биться чаще. Здесь нет времени. Есть только память о том, что было.

Она хранится в Золотых воротах Нави. Эти ворота везде. Тонкие линии света пронизывают толщу воды, переплетаясь, расходясь, сплетаясь в узоры, похожие на вены. Они пульсируют. Медленно, тяжело, как дыхание мира. В этих линиях застыли крики, которых никто не слышал, лица, которых больше нет, выборы, которые никто не смог отменить.

Золотые ворота — не дверь. Это ткань. Граница между жизнью и смертью, прошлым и настоящим. Они проступают сквозь кожу, воду, сам воздух. Если знать, под каким углом смотреть, их можно увидеть везде.

Сонни поднял руку. Вода стекала с его пальцев, но не уходила — оставалась на его коже, дрожала, ждала. Он чувствовал каждую каплю. Каждая помнила его. Каждая была им. Здесь, в Нави, не было границы между ним и водой. В ней он просто был. Океан был им.

Он знал: бессмертие — это ловушка. Его тело — вода. Его можно высушить, испарить, развеять. Но пока есть хотя бы одна капля, он есть. Это его сила и проклятие. Вода не умирает. Она меняет форму. Но она же и не помнит. Она течёт, забывая всё, что было. Именно поэтому он должен был помнить за неё.

Он закрыл глаза. Вспомнил Луну. Её смех, дерзость, руку на его плече. Это тепло пробивалось даже сквозь холод Нави,

сквозь тьму и тяжесть, сквозь тысячу лет одиночества. Он чувствовал её там, наверху, в мире, где есть воздух и свет. Она ждала. И он знал: он должен вернуться.

Сонни начал подниматься. Медленно. Он позволял себе восстанавливаться. Каждая секунда в Нави возвращала ему то, что сгорело на пирсе, что выкачали, что сломали. Он чувствовал, как сила возвращается в тело, как вода откликается на каждое его движение. Он сжимал кулаки, и вода сжималась вместе с ним. Он открывал глаза, и тьма расступалась перед ним.

На смену русалочьему хвосту снова появились ноги. Сонни был готов. Он выходил наверх. К ней.

[5.2: Луна-404 и Дейв]

Луна сидела на стуле.

Верёвки впивались в запястья, оставляя на коже красные полосы. Губа была разбита — кровь запеклась в уголке рта, и он чувствовался на вкус, когда она облизывала её. На лбу ссадина. Она не помнила, когда её ударили. Кажется, когда они тащили её сюда.

Склад был тёмным. Тусклый свет от единственной лампы выхватывал из мрака только её лицо и силуэт Дейва, стоявшего в нескольких метрах. Он сложил руки на груди и молчал. Просто смотрел. Это было хуже, чем если бы он говорил.

— Ну и что, — сказала Луна, сплёвывая на бетонный пол тёмный сгусток. — Будешь так стоять всю ночь или что-то делать?

Дейв не ответил. Он смотрел на неё, как на на устройство, которое нужно понять, прежде чем выключить.

— Я уже понял, что тебя не напугать, — сказал он наконец. — Поэтому я не буду пытаться.

— Умный мальчик, — усмехнулась она.

— Ты не боишься смерти, — продолжил Дейв, не меняя интонации. — Я видел таких. Это не смелость. Это когда ты уже была настолько близко, что знаешь — бояться нечего.

Луна замолчала. Она хотела сказать что-то колкое, но слова застряли в горле. Потому что он был прав.

Она вспомнила комнату, где пахло лекарствами и разложением. Двадцать лет назад. Мать лежала на кровати, и её кожа была такой же бледной, как простыня. Она улыбалась. Смотрела в камеру и улыбалась, хотя дышать было уже тяжело. Гангрена сжирала руки, расплзаясь на плечи и туловище. Ноги уже были ампутированы.

— Не бойся, малышка. Это просто переход, — сказала она. — Я хочу, чтобы ты запомнила меня такой. Улыбающейся.

Луна не выключила камеру. Решила снимать. До самого конца. Слёзы текли по щекам, но она снимала. Причина? Если она будет смотреть на смерть через объектив, она перестанет бояться. Смерть станет просто картинкой. Чем-то, что можно остановить, перемотать, сделать красивым.

Но здесь и сейчас, в этом складе, она была не за камерой, а сидела на стуле, и смерти смотреть было не во что.

— Я боюсь, — сказала Луна тихо. — Я просто умею делать вид, что это не так.

Дейв чуть склонил голову. Спросил:

— И что даёт тебе силу делать вид?

Она смотрела на него, и впервые за весь разговор её голос дрогнул.

— То, что если я перестану делать вид, я сломаюсь. А я не могу сломаться. Не сейчас. Потому что он придёт. И я хочу, чтобы он увидел меня целой. Он итак видел достаточно дерьма.

Дейв молчал. За всё время, что они стояли друг напротив друга, он отвёл глаза.

— Ты странная, — сказал он.

— Я знаю, — ответила Луна. — Это моё суперкачество.

За стеной что-то грохнуло. Голос Де-Во — приглушённый, но раздражённый. Боб что-то заорал. Хонджун ответил коротко, жёстко. Дейв не обернулся. Он смотрел на Луну и молчал.

Она улыбнулась. Дейв не смог расшифровать, что значила улыбка.

— Он придёт, — сказала она. — Ты знаешь это.

— Да, — ответил Дейв. — Я знаю. Поэтому я здесь.

[5.3: Де-Во, Боб и Хонджун]

За стеной было шумно.

Луна слышала голоса: один — хриплый, надрывный, с явным перегаром — орал так, будто его резали. Другой — мо-

лодой, резкий, сбивчивый, пытался его заткнуть. И третий — низкий, механический, от которого по спине бежали мурашки.

— Я сказал, отпусти меня, ты, железный урод! — Боб бился, как рыба на суше. — Я не хочу умирать в этом говне! Я ещё пива не допил!

— Заткнись, — рывкнул Хонджун. — Заткнись и не дёргайся. Ты только хуже делаешь.

— Хуже?! — Боб дёрнулся в верёвках. — Я связан, голый и нахожусь в одном помещении с психом-киборгом! Как может быть хуже?!

— Может быть хуже, — спокойно ответил Де-Во. Его голос эхом разнёсся по помещению, заглушая крики Боба. — Я могу перестать улыбаться.

Тишина. Боб замер на секунду.

— Ты и так не улыбаешься, — сказал он уже тише.

Хонджун выдохнул, прислонился спиной к холодной стене. Верёвки на запястьях были натянуты туго, но он чувствовал себя чуть лучше, чем Боб — хотя бы потому, что был одет и не пытался спорить с киборгом. Он смотрел на Де-Во, который стоял в проёме, перекрывая выход из комнаты. Не двигался. Просто стоял, слушал, сканировал. Как машина в режиме ожидания.

— Что он задумал? — спросил Хонджун, стараясь говорить спокойно. — Твой брат.

Де-Во повернул голову к нему. Его глаза на секунду стек-

ленеют — рекламный слоган уже готов сорваться с губ, — но он выдохнул и подавил глюк.

— Он делает свою работу. Как и я.

— Какую именно? Допрашивать девушку, которая не боится тебя?

— Допрашивать — громко сказано, — Де-Во холодно усмехнулся. — Он просто говорит с ней. А я жду.

— Чего ждёшь?

— Когда она перестанет болтать, — ответил Де-Во. — И начнёт бояться.

Сзади снова завозился Боб. Он попытался встать на ноги, но верёвки на лодыжках помешали, и он шлёпнулся обратно на пол.

— А ты, кстати... — спросил он Хонджуна. — тот самый коп? Скандальный который. Или нет?

— Просто коп в отпуске, — коротко ответил Хонджун.

— Коп в отпуске, — повторил Боб. — Класс. Даже у копов есть отпуск. А у меня, получается, вечный отпуск. Только без зарплаты. И без одежды. Скажи, почему я? Почему я должен быть здесь?

— Ты просто оказался в нужное время в нужном месте, — ответил Хонджун.

— И в нужном виде, — добавил Де-Во.

Боб замер. Посмотрел на него.

— Это была шутка?

— Нет.

— Я не знаю, что хуже: когда ты шутишь или когда ты серьёзен, — выдохнул Боб.

Хонджун прикрыл глаза. Он чувствовал пульс в висках, слышал шум за стеной — голос Луны, который звучал слишком спокойно, и голос Дейва, который был слишком тихим. Он ждал. Он не знал, чего именно и чем это закончится.

— Вставай, — сказал Де-Во.

— Я не могу, — ответил Боб. — Я связан и голый.

— Я не тебе, — Де-Во посмотрел на Хонджуна. — Ты. Вставай.

Хонджун открыл глаза.

— А если я не встану?

— Тогда я не буду ждать, пока она начнёт бояться, — сказал Де-Во. — Я просто убью вас обоих. И тогда она увидит, на что способен страх.

Боб захрипел, задыхаясь от ужаса, но Хонджун поднялся.

— Не надо, — сказал он тихо. — Я встал.

Де-Во кивнул, отвернулся. За стеной всё ещё звучали голоса — тихие, напряжённые.

— Ты правильно сделал, — сказал Де-Во, не оборачиваясь. — Потому что я умею ждать. Но терпение у меня кончается.

[5.4: Сонни vs Гасги | четвёртое противостояние, локация — заброшенный склад]

Дверь склада исчезла: просто перестала быть, растворившись в тумане, который ворвался внутрь вместе с ним.

Сонни стоял в проёме. Вода стекала с его одежды, с волос, с пальцев, собираясь в лужи на бетонном полу.

Он был мокрым, от него веяло чуждым холодным. И он был здесь.

— Вы хотели меня? — сказал он. Голос звучал ровно, без напряжения. — Я пришёл.

Де-Во не стал ждать. Он сорвался с места с ножом в руке, одним прыжком сократив расстояние. Лезвие вошло в грудь Сонни по самую рукоять. Но не встретило сопротивления. Нож прошёл сквозь тело, как сквозь воду, и Де-Во провалился вперёд, теряя равновесие.

Сонни схватил его за горло. Вода из его пальцев превратилась в лёд, впиваясь в металлические пластины на шее киборга. Де-Во захрипел.

— Ты думал, я человек? — спросил Сонни, глядя ему в глаза. — Я океан. Я цунами. Ты — ничто передо мной.

Он отшвырнул Де-Во в стену. Тот врезался в бетон с глухим ударом и затих.

Дейв не двинулся. Он стоял, сжимая излучатель, и смотрел. Спокойно. Холодно. Как будто ждал этого момента.

— Я высушу тебя, — сказал он, поднимая оружие.

Излучатель загудел, разряжаясь в воздух. Жар ударил в лицо, выжигая влагу. Сонни тонул в коконе пара. Прежние ощущения, что были на пирсе, повторялись.

— Боль... — выдохнул Сонни, падая на колени. — Опять эта боль.

— Ты просто вода, — сказал Дейв, подходя ближе. — А воду можно испарить.

Сонни смотрел на свои руки. Чешуя отслаивалась, кожа становилась прозрачной, вены проступали тёмными линиями. Он чувствовал, как жизнь уходит из него вместе с влагой. И в этот момент он услышал её голос.

— Сонни! Не смей сдаваться!

Луна. Она кричала с края склада, где её держали. Лицо разбито, голос срывается, но она кричит:

— Ты не просто вода! Ты — дождь! Ты — слёзы! Ты — память! Ты не можешь исчезнуть!

Он поднял голову. Посмотрел на неё.

Воспоминание врезалось само.

Он закрыл глаза: теперь вместо бетонных стен — горящий дом и крики людей. Вместо боли — жар, который не вредил ему, потому что он сам был водой. Он стоял посреди огня, и вода из разорванных труб поднималась вокруг него, защищая. На третьем этаже, в окне, стояла девочка. Она кричала. И он пошёл к ней.

— Ты не человек, — спросила она, когда он взял её на руки. — Почему ты спасаешь меня?

— Потому что я не хочу быть один, — ответил он тогда.

— Тогда не бросай меня, — сказала она, обнимая его за шею.

Он вынес её из огня. Она улыбнулась ему и исчезла в руках спасателей. А он смотрел на свои руки. Те дрожали. Он

спас кого-то — не убил, как это бывало.

Сонни открыл глаза. Пар — это тоже вода.

Вода вокруг него начала вращаться. Она поднималась стеной, закручиваясь в торнадо. Излучатель Дейва перегрелся и взорвался, разбрасывая искры. Дейв отшатнулся, прикрывая лицо.

Сонни изменился. Кожа светилась голубоватым светом, глаза стали двумя океанами, в которых можно было утонуть. Он смотрел на Дейва, и в его взгляде не было ненависти. Только понимание.

— Ты хотел высушить меня, — сказал он, и голос его звучал эхом, как будто говорила сама бездна. — Ты пытался испарить океан чайной ложкой.

Дейв отступал. Его лицо, всегда холодное и непроницаемое, исказилось. Впервые он выглядел так, будто не знал, что делать.

— Ты не вода, — сказал он. — Ты — что-то другое.

— Я — всё, — ответил Сонни. — Я — дождь, который поливает твои поля. Я — слёзы, которые ты проливаешь по мёртвым. Я — пот, который выступает на твоём лбу, когда ты боишься. Я — жизнь. И я устал быть смертью.

Он подошёл к Дейву. Тот замер. Смотрел, как Сонни протягивает руку, и зажмурился.

Но удара не последовало.

— Я мог бы убить тебя, — сказал Сонни. — Я мог бы сделать так, чтобы твоё тело растворилось в воздухе, и никто

никогда не нашёл твоих костей. Но я не буду.

Дейв открыл глаза.

— Почему? — выдохнул он.

— Потому что она сказала, что я должен приносить жизнь, — ответил Сонни, кивнув в сторону Луны. — А не смерть.

Дейв смотрел на Сонни. Медленно запустил руку за край пиджака на груди, достал дневник. Он держал его у сердца, как козырь, как последнее оружие.

— Ты думал, что твоя боль — это что-то важное? — сказал Дейв, поднося дневник к огню. — Твоя скука? Твои смерти? Никто не запомнит этого, Сонни.

Страницы вспыхнули. Огонь побежал по бумаге, пожирая записи, оценки, годы одиночества.

— Ты не имел права, — сказал Сонни, и в его голосе прозвучало что-то похожее на боль.

— Это моя игра, — ответил Дейв, бросая дневник в огонь. — Я сам решаю, чему гореть.

Пепел разлетелся по складу. Серые хлопья кружились в воздухе, оседая на бетонном полу, на одежде Дейва, на лице Сонни. Он смотрел, как его прошлое превращается в пыль.

И на его лице не было гнева. Только облегчение. Он смотрел на горящий дневник и понимал: это было освобождение. Прошлое уходит, оставляя вместо боли пустоту. И отныне он не хотел ничего вспоминать.

— Не всё так просто, — раздался голос за спиной.

Сонни обернулся.

Де-Во поднимался с бетонного пола. Его плечо искрило, из разорванной тактической разгрузки торчали провода, лицо покрывали трещины, сквозь которые проступал металл. Челюсть двигалась с механическим скрежетом.

— Моя очередь, — в его голосе не было ничего человеческого.

Он кинулся на Сонни. Слишком быстро для того, кто только что лежал без сознания. Сонни едва успел выставить руку, превращая воду в ледяной щит, но Де-Во пробил щит плечом, с хрустом разбивая лёд. Он схватил Сонни за горло, приподнял над полом.

— Ты думал, я сдох? — прошипел Де-Во, сжимая пальцы.
— Я — машина. Машины не умирают. Их выключают.

Сонни чувствовал, как металлические пальцы сдавливают горло, но боли не было. Только спокойствие. Он смотрел на Де-Во как в зеркало.

— Сделай это, — сказал он тихо. — И ты станешь тем, кем я был двенадцать тысяч лет.

Де-Во замер. Его рука дрогнула.

В этот момент Дейв оказался за спиной брата и положил ладонь ему на затылок.

— Хватит, — сказал он.

Де-Во дёрнулся, попытался обернуться, но Дейв уже нажал. Пальцы скользнули по шейному блоку, туда, где под кожей скрывался ручной выключатель. Секунда — и Де-Во об-

мяк. Его рука разжалась, Сонни опустился на пол.

Де-Во стоял неподвижно. Его глаза всё ещё были открыты, но ничего не выражали. Это был пустой, потухший взгляд.

— Как... — начал было Сонни, но Дейв перебил.

— Я знаю, как его отключать, — сказал он, не глядя на брата. — С самого начала знал. Нас создали вместе, и у каждого из нас был такой блок. На всякий случай. Чтобы не дать друг другу стать монстром.

— Ты хотел убить меня, — сказал Сонни, глядя на Дейва.

— Да.

— Но ты не убил.

— Я не хочу быть монстром, — ответил Дейв. — Де-Во хотел. И он стал им. А я. Я просто хотел чувствовать. Хотя бы каплю боли.

Де-Во качнулся вперёд, тело потеряло равновесие. Дейв подхватил его, удерживая брата, чтобы тот не упал лицом в пол.

— Он жив? — спросил Сонни.

— Он не мёртв, — ответил Дейв, — просто отключён. Его прошивка в спящем режиме, пока он не восстановится. Будет в отключке день, может, два. А потом начнёт просыпаться.

Сонни смотрел на обмякшее тело Де-Во в руках Дейва.

— То есть, он вернётся? — спросил он.

— Обязательно, — ответил Дейв. — И он будет злее, чем

сейчас. Он всегда возвращается. Просто на этот раз я отключил его первым.

Сонни посмотрел на Луну, которая всё ещё ждала. Подошёл к ней, разорвал верёвки одним движением.

Луна поднялась на ноги.

— Ты... ты меня напугал, — сказала она, тяжело дыша. — Я думала, ты сдашься.

Сонни тепло улыбнулся.

— Ты сказала, что я не должен сдаваться. Это первый раз, когда я кого-то послушался.

Луна выдохнула. Смех сорвался с губ, хотя в глазах всё ещё стояли слёзы.

— Чёрт, — сказала она. — Ты снова делаешь меня сентиментальной. Ненавижу это.

— Привыкай, — ответил Сонни, поднимая её на руки. — Я собираюсь делать это часто.

Он повернулся к Дейву. Тот стоял, поддерживая обмякшее тело брата, и смотрел на обоих.

— Передай ему, — сказал Сонни. — Если он ещё раз тронет её — я сделаю так, что он никогда не умрёт. Он будет тонуть в бесконечности, в которой нет дна. Вечно.

Дейв кивнул. Молча.

Сонни поднял Луну на руки и уже почти вышел из проёма склада, когда из-за стены донёсся хриплый, надрывный голос:

— Эй! А мы?! Вы нас что, забыли?!

Сонни остановился. Повернул голову. Оттуда выглядывал Боб — связанный, голый, с лицом, на котором смешались отчаяние и возмущение. Рядом с ним стоял Хонджун, тоже в верёвках, но с куда более спокойным лицом.

— Да, мы тихо лицеизрели ваше эпичное примирение, но.. — сказал Хонджун. — Но мы всё ещё здесь, если ты не заметил.

Сонни посмотрел на него, потом на Боба, перевёл взгляд на Луну, которую держал на руках. На его лице считывалось выражение, которое нельзя было назвать иначе, как «а, точно».

— Простите. Я действительно про вас забыл.

— ЗАБЫЛ?! — заорал Боб. — Я ГОЛЫЙ, СВЯЗАННЫЙ И ХОЛОДНЫЙ, А ОН ЗАБЫЛ!

Сонни повернулся к Дейву. Тот всё ещё стоял у стены, поддерживая обмякшее тело Де-Во, и смотрел на происходящее без особого интереса.

— Дейв, — сказал Сонни, и в его голосе появились игристые нотки. — Освободи моих друзей.

Дейв поднял на него взгляд. Молчал. Ждал продолжения.

— Но лучше сделай это через полчаса, — добавил Сонни, посмотрев на Луну. — Чтобы мне с ней не мешали.

Луна усмехнулась, несмотря на разбитую губу:

— Сонни, ты серьёзно?

— Я никогда не был серьёзнее, — ответил он, направляясь к выходу.

Боб закричал вслед:

— ПОЛЧАСА?! Я БЕЗ ОДЕЖДЫ ПОЛЧАСА НЕ ПРОДЕРЖУСЬ!

— Зато будешь думать, прежде чем соваться в чужую битву, — бросил Сонни, исчезая в проёме.

Луна уже не сдерживала смех. Она положила голову на плечо Сонни, чувствуя, как он поднимает её выше, чтобы не задеть о дверной косяк.

Хонджун только вздохнул и посмотрел на Дейва:

— Ну давай. Освобождай. А то он и правда уйдёт, и мы тут до утра проторчим.

Дейв ничего не ответил. Просто подошёл и начал перерезать верёвки.

А снаружи, где заканчивался склад и начиналась ночь, Сонни нёс Луну в темноту. И впервые за тысячи лет он не чувствовал груза прошлого. Только её тепло.

Они сидели на краю крыши заброшенного склада. Луна свесила ноги вниз, Сонни сидел рядом, положив руку ей на плечо. Луна дотронулась до разбитой губы, поморщилась. Сонни перехватил её руку, убрал в сторону.

— Дай посмотрю, — сказал он.

Холодные, влажные пальцы коснулись её лица: вода заструилась по коже, затягивая ссадины, убирая кровь, оставляя только гладкую, чистую кожу. Луна закрыла глаза, чувствуя, как уходит боль.

— У тебя в этом деле талант, — сказала она, не открывая глаз.

— Я практиковался двенадцать тысяч лет, — ответил Сонни. — Только раньше я забирал жизнь. Теперь отдаю.

Она посмотрела на него, увидела в глазах то, что сейчас очень сильно смутило. И это прям бесило.

— Ты изменился.

— Знаю.

Она хотела что-то добавить, но в этот момент за их спиной раздался голос:

— Эй, я тут подумал.

Они обернулись. Позади стоял Дейв. С него всё ещё капала вода, костюм был порван и грязен, но на лице появилось нечто новое: неловкая, почти человеческая улыбка. За его спиной стояли Боб и Хонджун. Боб, наконец, в какой-то одежде — явно не своей, на пару размеров больше, завязанной узлом на поясе. Хонджун был спокоен, но его глаза смеялись.

Сонни посмотрел на них, скептически приподняв бровь.

— Дейв, — сказал он. — Ты всегда портишь момент.

— Я знаю, — ответил Дейв, подходя ближе. — Но я тут подумал: мне бы тоже девушку найти себе.

Он похлопал себя по груди, провёл рукой вниз, к поясу.

— Аппарат, знаешь ли, ещё рабочий, — добавил он с совершенно серьёзным лицом. — Может, в клуб сходим? Боба берём с собой. Весёлый парень. И танцующего копа тоже.

Хонджун вздохнул:

— Спасибо, что спросил, Дейв. Я правда мечтал сходить в клуб с киборгом, у которого час назад был план уничтожить мир.

— Планы меняются, — пожал плечами Дейв.

Боб шагнул вперёд:

— Я «за»! Если там будет пиво и бабы. И хоть какая-то еда! Вот вообще не против!

Рядом резанул слух, напомнивший истеричный вопль чайки. Сонни ошеломлённо взглянул на Луну.

— Полный пиздец, но идиллия, — сказала она, утирая слёзы.

— Пиздец, это то, как ты смеёшься. Честно. — заметил Сонни и повернулся к Дейву. — Нет, ты слышал этот смех? — На лице киборга отразилось понимание и улыбка, которую он едва сдерживал. — Ладно, — сказал Сонни. — Идём в клуб. Но платишь ты.

Дейв пожал плечами:

— Честно, я без понятия, как это работает. Я много лет не был в клубе. Там всё ещё танцуют?

— Там танцуют, — подтвердил Хонджун. — Я могу научить.

Боб хлопнул в ладоши:

— Это будет лучший вечер в моей жизни! Я уже хочу!

Луна покачала головой:

— Только не говорите, что мы теперь будем ходить в клу-

бы вместе. Я не готова к такому повороту.

Сонни улыбнулся ей:

— Я тоже не был готов. Но, похоже, это судьба.

— Судьба, значит, — сказал Дейв, глядя на звёзды. — У тебя тут трагедия, драма, ядерный взрыв, а у меня — девушка в клубе. Если я через час не найду себе кого-нибудь, я снова начну убивать людей. Пойдём, Сонни. У нас мало времени.

Боб не мог не уличить момент, чтобы снова прицепиться к Дейву:

— Ты только не убей кого-нибудь в клубе. А то мне придётся тебя хоронить.

— Я не умираю. Я просто перезагружаюсь.

ГЛАВА 6: «КИБЕРНЕТИЧЕСКИЙ ДУХ»

Музыка гремела так, стены почти вибрировали. Хонджун уже чувствовал ритм каждой клеточкой своего тела: собственные наушники оказались ни к чему, когда рядом играла такая музыка.

Компания попала сюда без особых проблем. Репутация Хонджуна как «танцующего копа» открывала перед ними все двери. Дейв и Боб, несмотря на свой комичный вид, выглядели достаточно внушительно, чтобы охрана решила не связываться. Луна с её дерзким видом и Сонни с его убийственной внешностью тоже не остались незамеченными.

Атмосфера “Sunset Waves”, легендарного клуба в Сансет-Бич, идеально подходила для их разношёрстной компании. Это полулегальное заведение с репутацией места, где происходят самые безумные вещи в городе. И сегодня вечер обещал быть особенным.

Диджей, узнавший безумного копа, крикнул:

— Эй, танцор, хочешь партию?

Хонджун кивнул, не отрываясь от ритма: тело уже на входе двигалось само, руки и ноги не слушались, поймав единый такт. Посетители клуба оборачивались, кто-то даже достал телефон, чтобы заснять столь легендарную личность,

появившуюся здесь и сейчас.

Луна и Сонни расположились в вип-зоне на мягких диванах у панорамного окна с видом на танцпол, чтобы напротив исключить внимание к себе. Здесь, в полумраке, освещённом неоновыми огнями, они могли наблюдать за происходящим, потягивая коктейли. Их взгляды были прикованы к Дейву и Бобу. Те пытались подцепить девушек у бара, но их внешний вид вызывал только недоумение.

Боб в слишком большом пиджаке Дейва выглядел как тец, укравший одежду у сына-богатыря. Штаны со множеством карманов и подсумков, явно стянутые с Де-Во, болтались на его тощих ногах.

— Эй, красотки, — начинал Боб, пытаясь казаться уверенным. — Как насчёт того, чтобы познакомиться?

Девушки переглядывались, морщились и сбегали.

В другой раз одна осмелившаяся невинно спросила:

— Оу, а это у вас такая семейная гармония?

Дейв, стоявший рядом, едва сдержал смешок.

— Нет, мы не семья, просто, э-э, друзья, — выдавил он, пытаясь сохранить серьёзное выражение лица.

В это время Хонджун уже привлёк внимание всего клуба. Он повторял те же фокусы, что и у океана. Только в этот раз подчинял своей воле воду из центрального фонтана-инсталляции. И теперь под его ногами она стала не просто танцполом, а сценой для его личного шоу. Струи неоновом света играли в брызгах, а он подобно морскому богу, управлял

каждой каплей, превращая обычное выступление в магическое представление.

Тем временем Дейв и Боб наконец осознали, что их попытки флирта провалились.

— Знаешь, Дейв, — вздохнул Боб, — может, нам стоит переодеться?

Дейв только фыркнул.

— Ты выглядишь как человек, который украл одежду у своего киборга-сына.

Луна и Сонни не могли больше сдерживать смех. Когда Дейв и Боб вернулись в вип-зону, нарвались на поучения.

— Похоже, ваши навыки соблазнения нуждаются в обновлении, — заметила Луна, едва сдерживая хохот.

Боб, услышав это, всплеснул руками:

— Да какие навыки? Я просто пытаюсь выжить! Знаете, как тяжело быть бомжом в этом городе? Каждый день — новое приключение! То полиция гоняет, то бомжи местные территорию делят, то вообще дождь пойдёт, и всё, считай, пропал.

Он театрально вздохнул и продолжил:

— А всё из-за этой проклятой системы! Жил себе человек, работал в офисе, копил на домик у моря. А потом бац — кризис, сокращение, и ты уже спишь в картонной коробке. И знаете что? Я не жалуясь! Я философски к этому отношусь. Как говорится, нет такого понятия «бомж», есть понятие «человек, который экономит на аренде».

Дейв фыркнул:

— Экономишь, значит? На пиве небось не экономишь.

Боб поднял палец:

— Вот именно! Инвестиции в хорошее настроение — это не траты, это вложения в качество жизни. А качество жизни, между прочим, не зависит от количества квадратных метров. Оно зависит от количества друзей и пива. А у меня и то, и другое в избытке!

Луна не выдержала и рассмеялась:

— Слушай, Боб, с таким подходом ты не бомж, ты философ нового времени. Может, книгу напишешь? «Как выжить в городе без крыши над головой и при этом оставаться оптимистом».

Боб важно кивнул:

— А ведь это идея! Только сначала надо найти того, кто будет записывать мои мудрые мысли. А то мои заметки обычно съедают голуби или используют не по назначению местные бомжи.

Сонни, заметив небольшой пузырьёк в руках Дейва, наклонился ближе:

— Что это у тебя?

Дейв помедлил, но всё же ответил:

— Лекарство. Без него я долго не протяну.

Луна, услышав это, нахмурилась:

— О чём ты говоришь?

Дейв вздохнул и посмотрел на своих спутников:

— Знаете, я не люблю об этом распространяться, но моя трансформация не прошла без последствий. Оно единственное, что держит меня на плаву.

Сонни внимательно посмотрел на пузырьёк:

— У меня есть знакомый учёный. Ширайши зовут. Он специалист по киборгизации и генетическим модификациям. Возможно, он сможет помочь тебе разобраться с этой проблемой.

Дейв усмехнулся:

— Учёный? Думаешь, он возьмётся за такого, как я?

— А почему нет? — вмешалась Луна. — В конце концов, ты не просто киборг, ты уникальный экземпляр.

Сонни кивнул:

— Да, и не только тебе может помочь. Де-Во тоже не в лучшем состоянии. Нам стоит навестить Ширайши. Это будет не просто путешествие, возможность разобраться с вашими проблемами. Я правда хочу помочь. К тому же, развеяться всем не помешает.

Дейв задумался, глядя катая по стенкам пузыря остатки мутной жижи:

— А этот твой Ширайши, он надёжный?

— Да, — ответил Сонни. — Он толковый парень и знает своё дело. К тому же, я думаю, Луне не помешает повидать другой мир. На самом деле, Ширайши из будущего, Дейв. Но мы застанем его именно на Уральских землях. Это Россия. Именно там он основал свою военную базу для эксперимен-

тов с человеческой плотью и металлом. Есть такое место, как Ургинский пруд. Его бункер спрятан в лесном массиве возле водоёма. Я там уже как-то бывал. Сейчас это шикарное место для отдыха. Но по ту сторону изнанки там обитают опасные мутанты. И не только в лесу. Но ты ведь понимаешь, что придётся рискнуть и искупаться, чтобы спасти себя и брата. Выбор за тобой. Знаешь, воды Нави — это своего рода портал как в прошлое, так и в будущее.

Дейв нахмурился:

— Будущее? Ты хочешь сказать, что этот учёный из будущего?

Сонни кивнул:

— Именно так. Но не переживай, я буду рядом и помогу всем пройти через “переход”.

Боб, до этого молчавший, встрепенулся:

— Эй, а мне можно с вами? Я тоже хочу посмотреть на будущее! Вдруг там уже придумали вечный источник пива?

Луна, не сдержав улыбки, ответила:

— Конечно, Боб. Без тебя наша компания будет неполной.

Дейв, после короткого раздумья, кивнул:

— Ладно, рискнём. Но только если ты, Сонни, гарантируешь безопасность.

Луна оживилась:

— Звучит как план! Новое приключение, да ещё и с пользой. Кто за?

Все подняли руки, даже Де-Во, который до этого момента

молчал, кивнул в знак согласия.

— Отлично, — произнёс Сонни, но не успел закончить фразу.

Громкий голос разорвал тишину:

— Всем оставаться на местах! Полиция Сансет-Бич!

В клуб ворвался отряд полицейских. Среди них сломанной куклой волокли Де-Во: его механические глаза потускнели, конечности безвольно свисали, а обнажившийся металл в месте переломов конечностей торчал вырвавшимися проводами тут и там. Без штанов он выглядел жалким и уязвимым, будто голый нерв посреди этого хаоса.

— Сонни, ты арестован за погром в городе, — процедил офицер.

Хонджун рванулся вперёд, но замер, увидев знакомое лицо:

— Подождите! Это недоразумение.

Бывший начальник, ухмыляясь, выступил вперёд:

— Хонджун? Ты ещё здесь? Я думал, ты уже в психушке после своих танцев. — Слушай, я знаю, ты хороший коп, — продолжил начальник, приближаясь. — Но сейчас твой друг должен извиниться перед жителями Сансет-Бич за устроенные беспорядки.

Сонни, сжав зубы, кивнул:

— Хорошо. Я извинюсь, но с одним условием: вы дадите нам уйти.

Начальник кивнул.

Компания покинула клуб и направилась на пирс. В тот же миг город взорвался миллионами огней: каждый экран, каждый монитор, каждая витрина вспыхнула изображением Луны. Хакерский гений Дейва сработал безупречно.

Камера в руках Луны была направлена на Сонни. Бесмертный заговорил:

— Я беру свои слова назад. Я больше не желаю собственной смерти. И извините за учинённые беспорядки. Мне жаль. Я говорю искренне. И приостанавливаю это шоу. А знаете почему?

Его голос эхом разнёсся по городу, пока камера скользила от одного лица к другому:

— Эти близнецы-киборги, Дейв и Де-Во, оказались мне братьями по духу. — Сонни притянул Дейва к себе, похлопал по спине. Затем наклонился к его ногам, там сидел Де-Во. Погладив его по голове, застенчиво прокомментировал странное состояние: — А он? Он просто спит. Перезаряжается.

— Это Боб, философ улиц, который доказал, что счастье можно найти даже в картонной коробке. — Боб смущённо улыбнулся, нелепо помахал в камеру рукой.

— Это Хонджун, любимый вами безумный коп, теперь тоже мне друг, который доказал, что даже система может ошибаться. — Хонджун подмигнул в камеру.

— И это Луна, гений монтажа и моё сокровище, которое я у вас украду. — Луна рассмеялась, принимая неожиданный

поцелуй в щёку.

Люди начали собираться на пирсе, чтобы воочию увидеть бессмертного и его необычную компанию.

Завидев прибывавший народ, Хонджун, озорно подмигнув, предложил:

— Эй, Сонни, а давай покажем им настоящую лунную походку?

Кто-то выкатил сабвуфер из клуба, музыка наполнила пространство. Хонджун и Сонни встали в центр образовавшейся толпы, их фигуры выделялись на фоне рассветного неба.

Хонджун начал первым: его движения были точными, уверенными, словно он скользил по невидимой дорожке. Внезапно Сонни поднял руки к небу, и воздух вокруг них задрожал. Из его ладоней полились серебристые потоки воды, создавая вокруг мерцающий купол.

Сонни идеально отзеркаливал Хонджуна, а вода послушно следовала за их движениями, образуя причудливые узоры. Хонджун двигался назад, но ноги его шагали вперёд, создавая невероятную иллюзию, а водные струи повторяли каждый его шаг. Танец был идеально синхронизирован.

Когда Хонджун сделал кульбит в воздухе, вода взорвалась тысячами искр, осыпав толпу сверкающим дождём. Люди в восторге поднимали головы, а капли, коснувшись их кожи, оставляли на мгновение светящиеся следы.

Всё это время Луна не выключала камеру, ловя каждый

момент.

Когда лучи солнца окончательно окрасили небо в золотистые цвета, танцоры замерли в финальной позе. Толпа взорвалась овациями, а кто-то даже начал скандировать их имена. Дейв и Боб, стоя в первом ряду, хлопали так, что их ладони вот-вот воспламенятся.

В этот момент водные струи сложились в огромное сердце над головами всех собравшихся, оно медленно рассыпалось перламутровыми блёстками на их лица, проникла в сердца каждого. Люди почувствовали, как внутри них рождается нечто благоговейное, а старые раны начинают затягиваться, все тревоги отпускает.

В этот рассветный час произошло магическое слияние искусства и жизни.

ГЛАВА 7: «ОТЦЫ И ДЕТИ»

В квартире-студии Луны было тесно от тел. Сонни развалился на единственном кресле, закинув ноги на подлокотник. Луна полулежала на невысокой кровати, прислонившись спиной к подушке с ноутбуком на бедрах. Хонджун сидел на полу у изголовья, прислонившись спиной, и рассеянно постукивал пальцами по колену.

Из ванной доносилось бульканье, плеск и то, что Боб считал пением:

«В речке девица купалась, разноцветный слайм нашла,

Целый день с ним упражнялась, даже в церковь не пошла.

Прибежали к ней подружки, расскажи нам что да как?

Девка юбку задрала и устроила бардак».

— Боб, это что-то с чем-то, — мотая головой, ухмыльнулся Дейв.

Он сидел на полу рядом с обмякшим телом Де-Во. Брат лежал на спине, глаза закрыты, из разорванного плеча всё

ещё торчали оголённые провода. Дейв отрезал куски изо-
ленты зубами, заматывал оголённые контакты, чтобы в во-
де не замкнуло — так делал уже не раз. Где-то в глубине
прошивки Де-Во хранился алгоритм первой помощи, и Дейв
знал каждую точку доступа к нервным узлам брата. Он от-
ключил повреждённые сегменты, перекрыл утечку охлажда-
ющей жидкости, зафиксировал сломанный сустав. Времен-
ное решение, но оно не даст Де-Во развалиться на части во
время перехода. Потом Ширайши сделает остальное. А пока:
изолента, холодная голова и годы привычки держать брата в
рабочем состоянии.

— Нужно как-то обезопасить Де-Во от воды, у него ж про-
вода торчат, — участливо предложила Луна.

Она спрыгнула с кровати, нырнула под неё и через секун-
ду появилась оттуда с чёрным пластиковым мешком в руках.

— Есть один специальный. Для трупов. Непромокаемый,
с молнией. Должна же я была куда-то класть свои особо цен-
ные кадры, верно?

Дейв поднял голову от брата, глянул на мешок, потом на
Луну.

— Ты держишь мешки для трупов под кроватью?

— А где ещё их держать? — пожалала плечами Луна. — Под
подушкой неудобно.

— Мне всё равно его волочить за собой под толщей воды.
В принципе, как вариант, идеально подходит, — согласился
Дейв, затягивая последний узел.

Хонджун, словно всё ещё был в событиях с фееричным танцем, увидел название ролика Луны, одобрил:

— «Танец жизни».. действительно круто звучит. Особенно после того, что мы показали городу. Так что больше не снимай о смерти, трансформируй свой канал.

— Согласен, — кивнул Сонни.

Пальцы Луны замерли над клавиатурой: она смотрела на кадры, где переплетались магия, танец и стихия Сонни. Но мысли были не там: выглядела озадаченной, наматывая прядь волос на палец.

Внезапно дверь её квартиры распахнулась.

На пороге стоял начальник полиции Сансет-Бич. Капитан Рик Дэвис, как значилось на его бейдже, лысеющий мужчина с красным лицом человека, который слишком много пьёт кофе и слишком мало спит. Он застыл на мгновение, оглядывая комнату: развалившийся Сонни, Де-Во “в спящем режиме”, Дейв с изолянткой в зубах, Луна с ноутбуком, Хонджун на полу. Дэвис замер, переваривая картину. Но он был профессионалом, вспомнил, что нужно улыбнуться широко, по-свойски. Из конверта, который он держал, достал старый полицейский значок Хонджуна.

— Ты не поверишь, но я тебя возвращаю. В особый секретный отдел. Теперь будешь официальным консультантом по нечеловеческим вопросам.

От услышанного Сонни пробило на ржач, из груди раздались хриплые смешки, которые тут же вылились в настоя-

щую истерию. Он хлопнул Хонджуна по плечу:

— Поздравляю, напарник! Теперь ты не просто безумный коп, а секретный агент безумных танцев!

Капитан Дэвис кашлянул, возвращая серьёзность.

— Детектив Хонджун. Твоя первая миссия, выбираешь её сам. Я позволю тебе проявить себя снова. Нам нужны твои, э-хм, уникальные навыки.

— Мне нужен Сонни, — сказал Хонджун. — Сэр, давайте его к нам в полицию Сансет-Бич. Ну и киборгов-близнецов вон тоже.

Дэвис повёл плечами, поджал губы:

— Можно устроить. Сонни для нас уже как супер-агент. А что касается близнецов, их обслуживание нам дорого обойдётся.

— Сэр, мы с этим как раз разбираемся, — многозначительно ответил Хонджун. — Дайте нам время.

— Сколько времени вам нужно? — Дэвис недоверчиво прищурился.

Хонджун посмотрел на Сонни, потому что не знал, что ответить. Сонни спас ситуацию:

— Пары дней хватит. Может, чуть больше.

Из ванной вышел Боб: выбритый, с отросшими мокрыми космами, на плече полотенце. Чёрные шорты впивались ему в бёдра, футболка с пустыми глазницами висела мешком. Он не заметил гостя и ляпнул:

— Я очень надеюсь, что эти твои монстры из водоёма ме-

ня не сожрут, Сонни. Ты просто обязан обеспечить мне безопасность!

— Вы куда-то собрались? — раздался чужой голос.

Боб только сейчас обратил внимание на человека в полицейской форме, глаза его стали круглыми.

Дэвис медленно перевёл взгляд на Сонни.

— Это чудо, ваш друг?

Сонни выдохнул с улыбкой:

— Это Боб, он с нами.

Боб выпрямился, попытался придать себе важный вид, но выглядел скорее как странный рокер, который случайно попал на совещание.

— Я, э-э, свидетель, — выдавил он.

— Свидетель чего? — спросил Дэвис.

— Всего, — ответил Боб. — Всего, что вы не видели. И даже того, что видели, но не хотите признавать. А ещё у меня есть усы. Видите? — он показал на лицо.

Дэвис несколько секунд молча разглядывал усы Боба. Потом повернулся к Хонджуну:

— Я передумал. Закрывай дело. Сдавай всех в психушку, включая себя, и гори оно синим пламенем.

Хонджун, не выдержав, рассмеялся. Луна прыснула в экран ноутбука. Дейв закашлялся, прикрывая рот рукой. Боб растерянно почесал затылок, не понимая, что сказал не то. Сонни одобрительно кивнул ему. Старик Боб только что переключил внимание капитана с «монстров из водоёма» на

себя. И Дэвис, к счастью, не стал уточнять, о каких таких монстрах идёт речь.

— Сэр, — сказал он, обращаясь к Дэвису. — Мы решим вопрос с близнецами. И с Бобом тоже решим. А теперь, если вы не против, у нас тут небольшое приключение намечается.

Дэвис перевёл взгляд с Боба на Сонни, на Хонджуну, на Луну. Сделал глубокий вдох и, кажется, решил не спрашивать ни о чём больше.

— Детектив, — сказал он, уже направляясь к выходу. — Звони, когда всё закончится. И, ради всего святого, держи этого свидетеля подальше от камер.

— Выполнять, сэр, — отсалютовал Хонджун.

Когда Дэвис скрылся за дверью, в комнате повисла тишина. Боб сделал шаг вперёд:

— А кто это был? — спросил он с искренним недоумением.

— Ваш новый начальник, — ответил Сонни. — Теперь ты официально свидетель всего, не подведи нас.

На лице Боба появилась блаженная и глупая улыбка:

— Блядь, да я теперь государственный человек!

Луна не выдержала и уткнулась в ноутбук, вздрагивая от смеха. Хонджун закатил глаза.

[переход в воды Нави]

— Так, — сказал Сонни, поднимаясь с кресла. — Боб. Ты спустил воду?

Боб замер, почесал затылок, потом хлопнул себя по лбу:

— Бля, забыл.

— Хорошо. Осквернённая вода послужит отличным про-
водником, — беззлобно заметил Сонни.

— Осквернённая? — переспросила Луна, приподняв бровь.

— Я всего-лишь туда поссал разок и пукнул, — признался Боб, разводя руками. — Ну, может, пару раз. Но это же вода. Она не портится!

— Мы туда не полезем, — сказал Хонджун.

— Полезете, — ответил Сонни, направляясь к ванной. —
Навь принимает любую влагу, даже такую.

Он распахнул дверь. Ванная комната выглядела обычно: кафель, зеркало, запотевшая раковина. Вода в ванне была мутноватой, с едва заметной маслянистой плёнкой.

— Я не лезу в это, — сказал Дейв, глядя на воду.

— У тебя нет выбора, — сказал Сонни. — Мы засунем Де-Во в мешок, чтобы провода не замкнуло. Мешок надёжный, но не бесконечный. Хватит на переход, если не будем задерживаться.

Луна передала чёрный пластиковый мешок с молнией для трупов. Дейв молча поднял обмякшее тело брата, вложил его туда и застегнул. Де-Во лежал неловко, согнувшись, но его провода были надёжно скрыты..

Сонни вытянул руку: из его пальцев полилась тонкая пульсирующая нить, она мерцала, как вода в лунную ночь. Нить сама обвила запястье Луны, пояс Хонджуна, тело Дей-

ва вместе с мешком Де-Во и, помедлив, шорты Боба.

— Моя нить, — он коснулся нити пальцами, и та на мгновение вспыхнула ярче, — она часть меня. Пока она с вами, вы не потеряетесь даже в Навьих водах.

По телам остальных пробежала дрожь, схожая и с щекоткой и с ударом тока, горло сжалось на секунду, потом отпустило.

— Что это было? — спросила Луна, касаясь шеи.

— Я дал вам возможность дышать под водой, — сказал Сонни. — Там, куда мы идём, воздуха может не быть. Но пока вы сухие, эффект неактивен. Как только коснётесь воды, он запустится.

— И что, прям жабры вырастут? — недоверчиво спросил Боб.

— Нет, — ответил Сонни, глядя на него с лёгкой усмешкой. — Ты просто перестанешь тонуть и сможешь дышать там, где обычно задыхаешься. Не благодари, это временно. Как только вы выйдете из воды, всё пройдёт.

Боб осторожно втянул воздух через нос. Выдохнул. Сделал глубокий вдох.. и ничего не почувствовал. Воздух был просто воздухом.

— А чё за херня? — разочарованно спросил Боб, прислушиваясь к себе. — Я дышу как обычно. Где обещанное чудо?

— Ты ещё не в воде, — сказал Сонни. — Эффект работает только там.

Боб посмотрел на мутную жижу в ванне, потом на Сонни,

потом снова на воду.

— Ну, блядь, тогда я просто постою тут, подышу воздухом. А вы как хотите.

— Заткнись и прыгай, — сказал Сонни, поворачиваясь к ванне.

Он шагнул в воду первым: та обхватила его ноги, словно живая, начала подниматься вверх, затягивая его в себя. Одновременно с этим ванная комната стал искажаться: кафель пошёл рябью, зеркало потемнело, запах сырости сменился запахом гнилой воды и старого металла. Комната становилась частью Нави — тесной, тёмной, влажной, с потолком, уходящим в бесконечность.

— Охуеть, — выдохнул Боб.

— Прыгай, — повторил Сонни, уже по пояс в воде.

Боб зажмурился и шагнул следующим, нехотя то же сделали и остальные, пока вода не сомкнулась над каждым.

Тишина..

Холод..

Темнота без верха и низа, и есть нить, натянутая в невидимую даль. Голос Сонни из глубины:

— Я здесь, я рядом.

Луна почувствовала, как мир распадается на ощущения, холод лип к коже, тяжесть перестала тянуть вниз. В груди появилось странное чувство: лёгкие наполнились жидким серебром. Почему именно серебром, она не понимала — просто ассоциации. Она шевельнула рукой: вода сопротивля-

лась, как густой сироп, но тут же обтекала пальцы, словно узнавала их. В темноте мелькнули слабые вспышки — отголоски света, тени, пытавшиеся стать формами. Луна хотела крикнуть, но звук растворился, не успев родиться.

Рядом она ощутила шевеления, кожей почувствовала колебание. В сознании вспыхнул голос Сонни: “Не задерживайся. В этой воде лучше не левитировать”.

Боб всплыл чуть выше. Луна не видела его, но ощущала его панику — яростную, из всех сил, загребающая воду в этой тьме: он дёргался, пытался. Вода отвечала ленивыми, тяжёлыми ударами, будто смеялась.

«Спокойно, — снова пришла мысль от Сонни, на этот раз с ноткой раздражения. — Держи нить. Просто дыши тем, что есть».

Хонджун, напротив, позволил воде нести себя. Он сделал вдох, жидкость вошла в лёгкие, и он не захлебнулся. Он просто дышал спокойно и без паники, чувствовал течение, ловил водяной импульс Нави. Кажется, тело знало, что делать, будто он всю жизнь только этим и занимался.

Он увидел тонкие линии, пронизывающие темноту, напоминавшие трещины в стекле: те пульсировали тусклым фиолетовым светом. Это были границы слоёв Нави — места, где реальность прогибается и рвётся. Нутром чуял, что попасть в такую трещину, значит вынырнуть в забытом уголке мира, где даже эхо не живёт.

Дейв не думал ни о чём, кроме мешка с Де-Во. Он при-

жимал его к себе, чувствуя, как внутри просачивается холод. Молился всем богам, которых когда-либо слышал, чтобы изоленга выдержала, чтобы провода не замкнули, чтобы брат не рассыпался в этой чужеродной воде. Нить, обвинившая его, слегка дрогнула, будто проверяя, жив ли он. Дейв сжал мешок крепче и прошептал в темноту:

— Я держу тебя брат, ни за что не отпущу.

Нить отозвалась лёгким теплом.

Вода начала меняться, она становилась памятью, в ней всплывали обрывки чужих жизней: чей-то смех, запах дождя, скрип старых дверей, обрывок мелодии, которую никто не должен был помнить. Луна почувствовала: чужие воспоминания липнут к ней, как мокрые листья. В панике потянулась к нити, к Сонни, как к якорю.

«Не цепляйся за них, — прозвучало в её голове. — Они не твои. Просто позволь им проплыть мимо».

Она позволила. Воспоминания скользнули дальше. И тут Луна увидела то, что искал Сонни: впереди мерцало нечто похожее на разбитое зеркало. Осколки висели в воде, отражая тени, между тенями тянулась тропа из застывшего времени.

Сонни вынырнул перед ними, его фигура была размытой, будто вода не хотела до конца отдавать его реальность. Он кивнул каждому, проверяя, все ли на месте, и указал на тропу из осколков.

— Нам сюда, — сказал он, и его голос ударил, как колокол

в пустой церкви. — Не смотрите на отражения. Они покажут то, чего вы боитесь больше всего. Или то, о чём мечтаете. И то, и другое здесь одинаково опасно.

Боб сглотнул и шёпотом спросил:

— А если я не хочу ни того, ни другого?

Сонни чуть улыбнулся:

— Тогда смотри только на меня. И на тропу. Остальное — просто вода.

Они двинулись вперёд. Осколки звенели от вибрации, как хрупкий лёд. Вода отступала, оставляя за спиной тишину, в которой ещё дрожали чужие воспоминания. Нить выпыхивала, как датчики пульсоксиметра, отсчитывая удары сердец в своей цепочке.

В какой-то момент Луна поняла, что они больше не плыли. Они шли туда, где вода становилась дорогой.

Тропа из осколков позволяла не утонуть. Каждый шаг отдавался льдистым трескающимся звоном — единственный звук, который здесь имеет право на существование. Любое другое движение рождало эхо, а эхо в Нави имело привычку оборачиваться чем-то живым.

Боб держался за тонкую мерцающую линию, как за спасательный трос. Он старался смотреть только впереди себя, чтобы случайно не зацепить краем зрения пока незримых монстров. И всё равно улавливал отблески: мелькание теней, намёк на движение там, где могла таиться какая угодно тварь.

“Не дёргайся, — голос Сонни прозвучал где-то в груди подобно вибрации струны. — Здесь каждое резкое движение как приглашение”.

Хонджун шёл следом, не отрывая взгляда от фиолетовых трещин. Они пульсировали в такт шагам. К нему пришло осознание: что это вовсе не границы слоёв, это шрамы — места, где Навь когда-то рвали силой, и теперь они болели. Он протянул руку, почти коснулся одной линии и тут же отдёргнул. Холод ударил по пальцам, как разряд. В ту же секунду перед глазами вспыхнула чужая картина: пустая комната, пыль, оседающая на сломанные часы, и тишина, в которой слышно, как останавливается время. Хонджун моргнул: картинка исчезла, но ощущение чужого одиночества осталось, липкое и тяжёлое.

Дейв взглянул на мешок. Пластик чуть помутнел изнутри, будто вода пыталась проникнуть внутрь, найти слабые места. Дейв крепче прижал его к себе и прошептал: “Ещё немного”. Мешок едва заметно дрогнул в ответ. Тропа сузилась. Осколки легли плотнее, почти смыкаясь, и между ними проступали тонкие нити теней. Те были не как у Сонни, а чужие, холодные, тянущиеся из темноты. Луна заметила их краем глаза и тут же отвернулась, но было поздно: одна тень скользнула по её руке, как ледяная игла, и в голове вспыхнуло чужое воспоминание — бесконечный коридор, шаги, которые никогда не заканчиваются. Она резко втянула растворённый в воде кислород через жабры, и тень рассыпалась, не

успев закрепиться.

Сонни остановился. Его фигура на миг стала чётче, будто он на секунду вырвался из воды. Он посмотрел на каждого, быстро, по-деловому, как пересчитывают патроны перед боем.

— Дальше будет хуже, — сказал он, голос звучал как лезвие, рассекающее воду. — Здесь Навь пробует. Держите нить, друг друга и не оглядывайтесь.

Он шагнул вперёд: тропа приняла его, рассыпавшись под ногами на тысячи крошечных вспышек. Остальные двинулись следом, шаг за шагом. Вода всё ещё обнимала их со всех сторон, не давая ни верха, ни низа, но теперь она стала пространством, которое ждало, когда кто-то ошибётся. Тьма перестала быть пустотой: в ней проступали очертания силуэтов, и каждый новый шаг будто проверял, хватит ли у них сил не рассыпаться вместе с этой искажённой реальностью.

Осколки звенели, как натянутые струны. И вдруг звон оборвался.

Тишина ударила сильнее крика.

Луна первой почувствовала отсутствие движения: вода вокруг них перестала течь, стала густой, как остывший кисель. Из темноты вытянулась тень, что состояла из рваных линий, как недорисованный силуэт или испорченная плёнка. Она двигалась рывками, скользнула мимо Боба, едва не задев его плечо. Боб почувствовал холодающий ужас, проникающий внутрь, дёрнулся, но нить удержала.

— Не двигайся, — сказал Сонни. — Оно сканирует.

И в тот же миг осколки под ногами начали гаснуть один за другим, оставляя их в узкой полосе света.

Боб застыл, даже не дыша. Потом шёпотом, так тихо, что звук не успел раствориться:

— Это что? Живое?

— Не смотри на форму, — рявкнул Сонни, голос его резанул пространство. — Смотри на суть.

Хонджун первым заметил: в Тени под рваными контурами проступали тонкие, как капилляры, металлические прожилки, и вдоль них пульсировал ток. На миг, когда тень повернулась, в её «голове», там, где должны были быть глаза, мелькнули линзы под нарочно замурованным слоем органики.

— Это не тварь, — процедил Хонджун. — Это конструкция. Гибрид.

Дейв крепче прижал мешок с Де-Во, будто бы мог защитить от этого взгляда. Он не отрывал глаз от твари, и вдруг заметил, что по её боку тянулся едва заметный шов — неаккуратный, собранный в спешке, и рядом маленький стилизованный символ, похожий на крыло с изломом.

Он понятия не имел, что это знак Шираиши.

— Это каой-то чертов эксперимент? Неужели Шираиши дело? — выдохнул Дейв.

Тварь замерла, будто прислушиваясь к словам. Потом медленно подняла то, что должно было быть рукой, и из

пальцев вытянулись тонкие нити, мерцающие, как разряды молний на грозовом небе. Нити потянулись к нити Сонни, к их связующей линии, словно хотели перерезать её одним движением.

Луна почувствовала, как чужие воспоминания снова липнут к коже: это были ощущения боли, чужой, жгучей, сдавливающей в груди. Она дёрнулась, но нить Сонни удержала, не дала сорваться в панику.

— Держите связь, — Сонни шагнул вперёд, закрывая собой остальных, и его нить вспыхнула, как разряд. — Она питается разрывами. Не давайте ей зацепиться.

Тварь щёлкнула чем-то внутри себя сухим, механическим звуком — как сработанным затвором. И в тот момент, когда все взгляды метнулись к ней, из темной тропы, что сужалась до одной дрожащей линии, вышел Ширайши.

Он стоял на воде как на невидимой платформе. На нём был длинный тёмный плащ с капюшоном, скрывавшим лицо, но Луна узнала его по силуэту: тот самый, что мелькал в её заметках, в старых отчётах, в слухах о военной базе, которую никто не видел. Он был здесь, в Нави, и одновременно где-то ещё, в реальном мире, в лесу над Ургинским прудом, в своём убежище среди холмов, где вода на солнце переливается серебром, а лес стоит стеной.

Ширайши поднял руку, и тварь замерла, нити в её пальцах погасли.

— Уберите эту ошибку, — его голос прозвучал объёмно и

вездесущее. — Она вышла из-под контроля. Я не планировал встречи.

Тварь замерла, будто услышав знакомый голос. Её нити погасли.

— Ошибку? — переспросил Хонджун, не сводя глаз с тени. — Она ваша?

— Эксперимент, — ответил Ширайши. — Неудачный. В Нави такие вещи живут своей жизнью. Иногда они даже находят выход в реальность. Я не слежу за всеми.

Нить Сонни слегка ослабла от понимания:

— Ты знал, что мы пойдём этим путём.

Ширайши чуть наклонил голову, будто оценивал, стоит ли отвечать честно.

— Знал. Но не думал, что вы дойдёте так быстро.

Тварь, повинуясь его жесту, медленно попятилась в темноту, пока не растворилась в глубинных тенях, оставив после себя лишь лёгкое колыхание толщи Навих вод.

— Ну.. привет, отец, — голос Сонни прозвучал ровно, без эмоций. — Значит, ты всё-таки нашёл способ меня вытащить. Даже если это стоило половины реальности.

ЧА

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.